

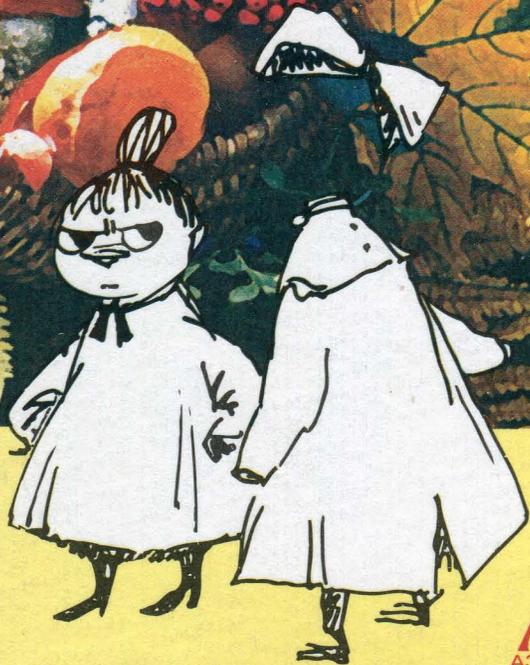
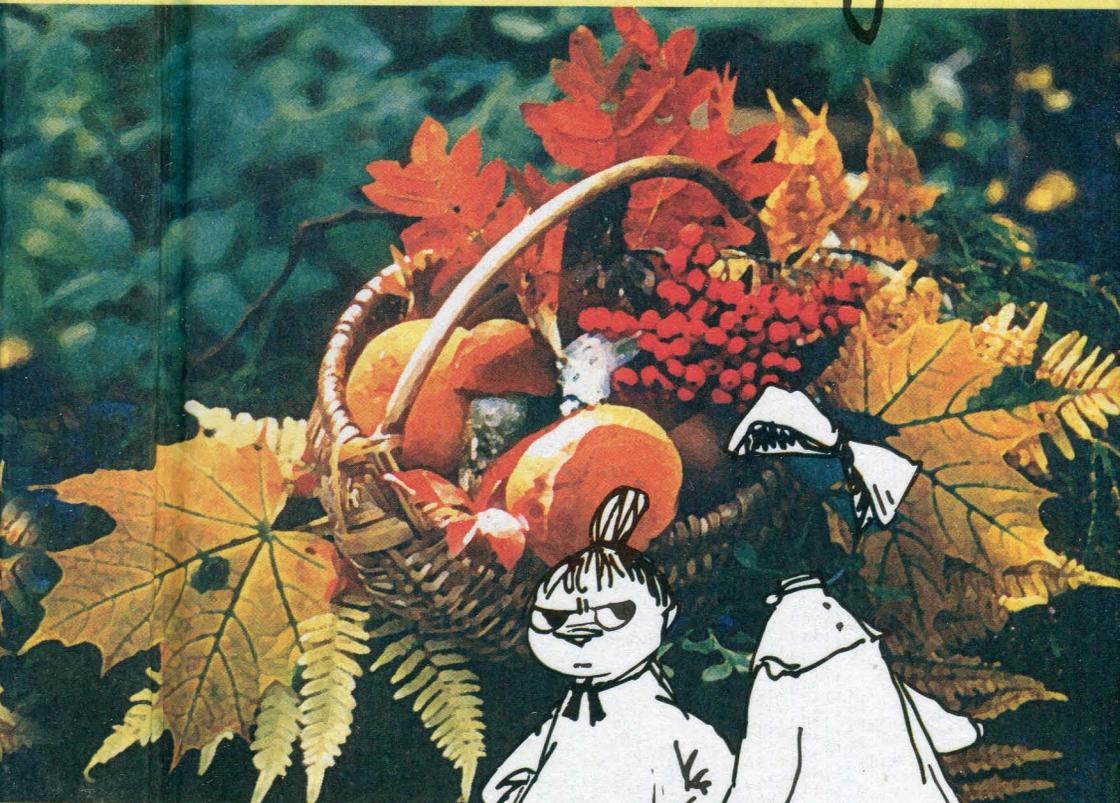

**ТУВЕ
ЯНССОН**

ДИТЯ-
НЕВИДИМКА

ТУВЕ ЯНССОН

Дитя-невидимка

АЗБУКА

АЗБУКА

**ТУВЕ
ЯНССОН**

Туве Янссон

Дитя-невидимка

Иллюстрации
автора

Санкт-Петербург
ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»
1998

УДК 82-93
ББК 84.4 Фн
Я 65

Оформление Вадима Пожидаева

DET OSYNLIGA BARNET OCH ANDRA BERÄTTELSE

© TOVE JANSSON

First published (1962) by Schildts Förlag, Finland

All rights reserved

Издатель выражает благодарность
Schildts Förlags AB, Finland

Янссон Т.

Я 65 Дитя-невидимка: Сказки / Пер. со швед. Л.Брауде,
Е.Соловьевой. — СПб.: Азбука, 1998. — 240 с.

ISBN 5-7684-0665-4

ISBN 951-50-0385-7 (фин.)

Удивительные существа населяют Долину муми-троллей. Конечно, это не люди, но в «Филифьонке, которая верила в катастрофы» и в «Хемуле, который любил тишину» вы сможете узнать самих себя.

© Л.Брауде, перевод, 1998

© Е.Соловьева, перевод, 1998

© «Азбука» — «Терра»,
русское издание, 1998

ISBN 5-7684-0665-4

ISBN 951-50-0385-7 (фин.)

ЗЕСЕННЯ
ПЕЧА

Однажды тихим, безоблачным вечером в конце апреля Снусмумрик забрался так далеко на север, что на этой северной стороне еще виднелись пятна снега. Целый день брел он по невозделанным полям и все время слышал, как кричат у него над головой перелетные птицы.

Они тоже возвращались домой с юга.

Идти было легко, потому что рюкзак за спиной был все равно что пуст, и ничто на свете не огорчало Снусмумрика. Он был доволен лесом, и погодой, и самим собой. День завтрашний и день вчерашний были одинаково далеки от него, а сейчас ярко-багровое солнце светило меж березами, да и воздух был свеж и ласков.

«Этот вечер создан для песни, — подумал Снусмумрик. — Для новой песни, в которой затаилось бы немного ожидания, чуть побольше весенней грусти, а под конец — одно лишь непреодолимое восхищение тем, что можно бродить по свету и быть одному — в полном ладу с самим собой».

Мелодия этой песни многие дни хранилась у него в голове, под шляпой, но еще не осмелилась по-настоящему вырваться оттуда. Она должна была еще немножко созреть и стать такой веселой и убедительной, чтобы стоило ему только приложить гармошку к губам, как все звуки тотчас же попрыгали бы на свои места.

Извлеки он их до времени, может статься, они бы, заупрямившись, подарили ему лишь наполовину хорошую песню. Или же он самоутратил бы интерес к этой мелодии и никогда больше не смог создать настоящую песню. Мелодии — серьезное дело, если ждешь от них и радости, и печали.

Но сегодня вечером Снусмумрик был уверенным в своей песне. Она существовала, она была все равно что закончена —

и она должна стать лучше, чем любая когда-либо сочиненная им песня.

А вернувшись в Долину муми-троллей, он, сидя на перилах моста над рекой, сыграет свою песенку, а Муми-троль тотчас скажет, что она хороша. Она — ужасно хороша.

Снусмумрик остановился на поросшей мхом кочке, и им овладело легкое недовольство. Да, Муми-троль, который ждет его и так ужасно по нему тоскует... Который сидит там дома и ждет его, восхищается им и говорит: «Конечно, ты вольная птица. Совершенно ясно, что тебе надо уйти. *Неужто* я не понимаю, что тебе иногда надо побыть одному».

И в то же время глаза Муми-тролля чернеют от разочарования и беспомощной тоски.

— Ой-ой! — сказал Снусмумрик, продолжая идти. — Ой-ой! Он такой чувствительный, этот троль. Не стану о нем думать. Он хороший троль, но именно сейчас не стану о нем думать. Сегодня вечером — наедине с моей мелодией, а сегодня вечером еще не завтра.

Вскоре Снусмумрику удалось совершенно забыть Муми-тролля. Он вынюхивал

удобное местечко для лагеря, а услышав чуть подалее в лесу журчание ручья, тотчас направился туда.

Последний красный луч солнца уже угас меж стволами, и медленно наступили голубоватые весенние сумерки. Весь лес был голубым, а березы, словно белые столбы, отступали все дальше и дальше в сумерки.

Хороший был этот ручей!

Прозрачный, с коричневатой водой, перепрыгивал он через кучи прошлогодней листвы и сквозь оставшиеся от зимы ледяные туннели. Он извивался среди мшистых бережков и бросался стремглав в маленький водопад с белым песчаным дном. Иногда он, словно комар, пел бодрую веселую песенку, а иногда притворялся, будто он большой и грозный ручей, и тогда слегка полоскал горло булькающей талой снежной водой и смеялся над всем на свете.

Снусмумрик, стоя в мокром мшанике, прислушивался.

«Ручей должен попасть в мою песню, — думал он. — Быть может, как припев».

В тот же миг на плотине оторвался какой-то расшатавшийся камень, и к мелодии воды прибавились басовые нотки.

— Неплохо! — восхищенно произнес Снусмумрик. — Именно так и должна звучать песня. В совершенно новой тоналности... Только так. А не подарить ли мне ручью его совершенно собственную, личную песню?

Вытащив старую кастрюлю, он наполнил ее водой из водопада. А потом отправился в ельник — поискать хворост для костра.

Лес был мокрый от таявшего снега и весеннего дождя. Снусмумрику пришлось долго блуждать в дремучем буреломе, чтобы найти сухие ветки. Он протянул лапку, и вот тут кто-то, громко вскрикнув, метнулся мимо него под елями, еще долго вскрикивая в лесной чаще.

— Да-да, — сказал самому себе Снусмумрик. — Ползучки и всякие мелкие твари таятся под каждым кустом. Это чувствуется. Удивительно, что все они такие нервные. Чем они меньше, тем шустрее.

Он вытащил из вязанки сухой пенек, несколько веточек и спокойно сложил лагерный костер в извилине ручья. Огонь тотчас же загорелся: ведь Снусмумрик привык сам себе готовить обед. Он никогда

не готовил обеда кому-нибудь другому, если его не вынуждали к этому, а об обедах других он не очень-то и беспокоился. Ведь все упрямо болтают, пока едят.

И еще у них слабость к столам и стульям, а в самом худшем случае они пользуются салфетками!

Он даже слышал о некоем хемуде, который переодевался к обеду, но это, верно, была клевета.

Снусмумрик с отсутствующим видом съел свой скудный суп, меж тем как взгляд его отдыхал на мшистых зеленых покровах под березками.

Мелодия была уже совсем близко, оставалось только схватить ее за хвост. Но у него было время для ожидания. Мелодия была окружена со всех сторон, и об отступлении не могло быть и речи. Сначала мыть посуду, потом трубка, а уж потом, когда костер превратится в уголья и ночные звери начнут перекликаться в лесу, — вот тогда-то и наступит время сочинить песню.

Снусмумрик увидел Малютку в ту самую минуту, когда полоскал кастрюлю в ручье. Тот сидел под корнем дерева на противоположном берегу и таранил гла-

зенки под взъерошенной челкой. Глазенки были испуганные, но очень любопытные и следили за каждым движением Снусмумрика.

Два робких глазика под всклокоченными волосами. Да, такой вид бывает всегда у тех, с кем никто не считается.

Снусмумрик не обращал внимания на Малютку. Он погасил уголья и нарезал немного ельника, чтобы было на чем сидеть. Он вытащил трубку и медленно зажег ее. Выпуская тонкие клубы дыма в ночное небо, он ждал свою весеннюю песню.

Но она не приходила. Вместо этого он чувствовал взгляд Малютки: его глаза следили за всем происходящим, он восхищался всем, что делал Снусмумрик, и мало-помалу в Снусмумрике начало зарождаться недовольство.

Он сложил лапки рупором и крикнул:
— Брысь!

Тогда Малютка вылез из-под корня дерева и чрезвычайно застенчиво сказал:

— Надеюсь, я не испугал тебя? Я знаю, кто ты. Ты — Снусмумрик.

И с этими словами маленький зверек кинулся прямо в ручей и стал переходить

его вброд. То был слишком большой ручей для такого крохотного существа, а вода была холодная. Несколько раз он терял опору под ногами и падал навзничь, но Снусмумрик был так скверно настроен, что и не подумал ему помочь.

Наконец некто ужасно несчастный и тоненький, как нитка, стуча зубами, вполз по береговому откосу навверх и сказал:

— Привет! Я так счастлив, что встретил тебя.

— Привет! — холодно ответил Снусмумрик.

— Можно мне погреться у твоего костра? — продолжал зверек, сияя всей своей мокрой мордочкой. — Подумать

только, я стану *Тем*, кому однажды довелось сидеть у лагерного костра Снусмумрика. Этого я никогда в жизни не забуду.

Малютка придвинулся ближе, положил лапку на рюкзак и торжественно прошептал:

— Это здесь твоя губная гармошка? Она там — внутри?

— Да, — очень неприветливо ответил Снусмумрик.

Мелодия его одиночества исчезла — все настроение уничтожено. Он кусал трубку и пристально смотрел между березок, не видя их.

— Не бойся, ты мне совершенно не помешаешь, — разразился наивный Малютка. — Я имею в виду, если захочешь поиграть. Ты даже не представляешь, как я тоскую по музыке. Я никогда никакой не слышал. Зато я слышал о тебе. Еж, и Малыш, и моя мама рассказывали... А Малыш даже видел тебя! Да, ты даже представить себе не можешь... Здесь так мало чего случается... А мы так много мечтаем...

— Ладно, как же тебя зовут? — спросил Снусмумрик.

Вечер был все равно испорчен, вот он и подумал: уж проще что-нибудь сказать.

— Я так мал, что у меня нет имени, — живо ответил Малютка. — Подумать только, никто никогда не спрашивал, как меня зовут. А тут являешься ты, о котором я так много слышал и которого мечтал увидеть, и спрашиваешь, как меня зовут. Ты считаешь... если бы ты мог... я думаю, не очень ли тебе трудно придумать мне имя, которое было бы только мое и ничье больше? Сегодня вечером?

Снусмумрик что-то пробормотал в ответ и надвинул шляпу на глаза. Кто-то на длинных заостренных крыльях перелетел ручей, горестно и протяжно крича в лесную чащу:

— Ю-юю, ю-юю, ти-ууу...

— Если слишком кем-то восхищаться, никогда не стать вольной птицей, — внезапно произнес Снусмумрик. — Я это знаю.

— Я знаю, что ты знаешь все, — болтал маленький зверек, придвигаясь еще ближе. — Я знаю, что ты все видел. Все, что ты говоришь, — правильно, и я всегда буду стараться быть таким же вольным, как ты. А теперь тебе надо домой, в Долину

Муми-троллей, — отдохнуть, встретиться со знакомыми. ...Еж говорил, что когда Муми-троль пробуждается от зимней спячки, он тотчас начинает тосковать по тебе... Ну разве не чудесно, когда кто-то тоскует по тебе и ждет, и ждет тебя?

— Я вернусь когда надо! — пылко воскликнул Снусмумрик. — А может, и вообще не вернусь! Может, я пойду совсем в другую сторону.

— О! Тогда он, верно, очень огорчится, — сказал Малютка.

В тепле он начал просыхать, и шубка его спереди оказалась мягкой и светлой. Снова указав на рюкзак, он осторожно спросил:

— Может, ты... Так много путешествовал...

— Нет, — возразил Снусмумрик. — Не сейчас.

И горестно подумал: «Почему они никогда не оставляют меня в покое... Меня и мои путешествия? Неужели им не понять, что я все растеряю, если буду все время о них рассказывать. Потом все исчезнет из памяти. И когда я попытаюсь вспомнить, как все было, я вспомню только свой собственный рассказ».

Довольно долго стояла тишина, и снова закричала ночная птица.

Но вот Малютка поднялся и тихим голосом сказал:

— Да, тогда я, пожалуй, пойду домой. Привет!

— Привет, привет! — ответил Снусмумрик и вдруг пошел на попятную: — Послушай-ка! Вообще-то... Насчет имени, которое нужно тебе дать. Тебя можно бы назвать Ти-ти-уу. Ти-ти-уу, понимаешь, имя с веселым началом и долгим печальным «уу» на конце.

Зверек смотрел на Снусмумрика, и глазенки его отливали желтизной при свете огня. Он обдумывал свое имя, смаковал

его, прислушивался к нему, вживался в него и в конце концов, подняв мордочку к небу, тихо провыл свое собственное новое имя так зачарованно и печально, что у Снусмумрика забегали по спине мурашки.

Затем в вересковых зарослях мелькнул коричневый хвостик — и все стихло.

— Чепуха какая-то, — сказал Снусмумрик и пнул ногой костер.

Вытряхнув пепел из трубки, он поднялся и закричал:

— Эй! Вернись!

Но лес молчал.

— Ну ладно, — произнес Снусмумрик. — Нельзя же вечно быть любезным и обходительным. Не успеваешь, просто не успеваешь... Да и у Малютки теперь есть собственное имя, вот так.

Он снова уселся, прислушиваясь к журчанию ручья, к тишине, и стал ждать свою мелодию. Но она не являлась. Он сразу же догадался, что она умчалась так далеко, что ему ее никак не поймать. Быть может, больше никогда... Единственное, что засело у него в голове, был оживленный и робкий голосок Малютки, который все болтал, болтал и болтал без конца.

— Таким надо сидеть дома со своими мамочками, — сердито сказал Снусмумрик и, бросившись на ельник, улегся на спину.

Немного погодя он уселся и снова начал звать Малютку. Он долго вслушивался в лесную чащу, а потом натянул шляпу на нос, чтобы заснуть.

На следующее утро Снусмумрик двинулся дальше. Он устал, настроение у него было прескверное, и он бежал рысью на север, не глядя по сторонам, а в голове, под шляпой, у него не было даже самого крохотного начала мелодии.

Он не мог думать ни о чем, кроме этого Малютки. Он вспоминал каждое его слово и все свои собственные слова и без конца перебирал их в памяти, пока не

почувствовал себя совсем худо. Он так устал, что вынужден был сесть.

«Что это со мной? — сердито подумал смущенный Снусмумрик. — Такого со мной никогда прежде не бывало. Должно быть, я болен».

Он встал и медленно пошел дальше и снова начал перебирать в уме все слова, которые произнес Малютка, и все, что ответил он сам.

Под конец ему стало вовсе неважно. Ближе к полудню Снусмумрик надумал вернуться и двинулся в обратный путь.

Немного погодя он почувствовал себя лучше. Он шел все быстрее и быстрее, он спотыкался и почти бежал. Короткие

песенки летали у самых его ушей, но у него не было времени их ловить. Вечером он снова очутился в березовой роще и начал звать:

— Ти-ти-уу! Ти-ти-уу!

И ночные птицы, пробудившись, отвечали: «Ти-ти-уу, ти-ти-уу», но Малютка не ответил ни слова.

Снусмумрик исходил рощу вдоль и поперек, он искал и кричал, пока не спустились сумерки. Молодой месяц взошел над прогалиной в лесу. Снусмумрик стоял и смотрел на него и совсем впал в отчаяние.

«Я должен загадать желание, — подумал он, — ведь это же молодой месяц».

Он чуть было не загадал то же самое, что всегда: новую песню или, как бывало иногда, — новые пути-дороги.

Однако тут же поправился и загадал:

— Найти Ти-ти-уу!

Потом, трижды повернувшись, пошел через прогалину в лес и наискосок через горный хребет. Вдруг раздался шорох и что-то пыльное, светло-бурое промелькнуло в кустах.

— Ти-ти-уу! — тихонько позвал Снусмумрик. — Я вернулся обратно — побеседовать с тобой.

— О! Привет! — произнес Ти-ти-уу и высунулся из кустов. — Это хорошо. Я покажу тебе, что я смастерил. Табличку с моим именем! Погляди! С моим собственным новым именем, которое будет на табличке возле двери, когда у меня появится собственный домик.

Малютка вытащил из кустов кусок бересты с вырезанным на нем рукописным знаком и с важным видом продолжал:

— Красиво, правда? Все в восхищении!

— Как изящно! — похвалил Снусмумрик. — А у тебя будет собственный домик?

— Ясное дело! — просиял Малютка. — Я ушел из дому и начал жизнь заново! Это так интересно! Понимаешь, до того, как я приобрел имя, я просто бегал повсюду и чувствовал только в общих чертах, как события мелькают вокруг меня. Иногда они были опасны, иногда не опасны, но меня они не касались, ничего *настоящего* не было, понимаешь?

Снусмумрик попытался было что-то сказать, но Малютка тотчас же продолжил:

— Теперь я сам себе хозяин, и все, что происходит, кое-что да значит. Потому что все происходит вокруг уже не в общих чертах, а со мной, касается меня. Ти-ти-уу! И Ти-ти-уу видит вещи то так, то эдак, если тебе понятно, что я имею в виду.

— Разумеется понятно, — произнес Снусмумрик. — Это так интересно!

Ти-ти-уу кивнул головой и снова начал рыться в кустах.

— Знаешь что, — сказал Снусмумрик, — я, вероятно, в любом случае схожу повидаться с Муми-троллем. Мне почти кажется, что я чуть ли не тоскую о нем.

— О Муми-тролле? — переспросил Ти-ти-уу. — Ну да, конечно!

— А если тебе хочется, я бы мог немного поиграть тебе, — продолжал Снусмумрик. — Или рассказать какие-нибудь истории.

Малютка высунулся из кустов и сказал:

— Истории? Ясное дело. Может, вечером? Сейчас как раз я немножко спешу, ты меня извинишь, конечно...

Светло-коричневый хвостик мелькнул в вересковых зарослях, чтобы исчезнуть на несколько мгновений; потом чуть подальше

из кустов высунулись ушки Ти-ти-уу и он весело закричал:

— Эй, передай привет Муми-троллю! Мне надо торопиться жить, ведь столько времени пропало даром!

И он исчез в мгновение ока.

Снусмумрик почесал затылок.

— Вот так, — сказал он. — Так-так. Таким образом.

Он растянулся на мшанике и стал смотреть в весеннее небо, которое высоко-высоко было прозрачно-голубым, а над верхушками деревьев — цвета морской волны. Где-то там в голове, под шляпой, начала шевелиться его мелодия, в которой затаилось немного ожидания, чуть побольше весенней грусти, а под конец — одно лишь непреодолимое восхищение тем, что он остался один.

СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ

Почти самый младший хомса полз вдоль забора. Иногда он вдруг замирал, наблюдая сквозь щель между рейками за действиями противника, потом снова полз дальше. Вслед за ним полз его маленький братик — Крошка.

Когда Хомса добрался до овощных грядок, он лег на живот и стал продвигаться вперед между листьями салата. Это была единственная возможность. Вражеские лазутчики наверняка разосланы повсюду, а часть из них даже летает в воздухе.

— Я весь почернел, — заныл Крошка.

— Замолчи, — свирепо прошептал его брат, — если тебе жизнь дорога. А чего же ты хотел, искупавшись в торфяном болоте, — поглубеть? Ты наверняка скоро станешь взрослым, если будешь продолжать в

том же духе. Ты станешь таким же, как папа и мама. Так тебе и надо. И тогда будешь все видеть и слышать обыкновенно — я имею в виду, ничего не будешь видеть и слышать. Вот тут-то тебе и крышка.

— Угу, — согласился Крошка и принялся есть землю.

— Она отравленная, — коротко заметил Хомса. — И все плоды, которые растут на этой земле, тоже отравленные. Да и они нас уже заметили только благодаря тебе.

Два вражеских лазутчика пролетели над ними у горохового поля, но Хомса их тут же уничтожил. Задыхаясь от напряженного ожидания, он соскользнул в канаву и замер там, как лягушка. Он так прислушивался, что уши его задрожали, а голова готова была расколоться на части. Остальные враги пока вели себя тихо, но они приближались, они медленно ползли по траве. По траве прерий. Врагов была тьма-тьмуца.

— Послушай, — произнес где-то наверху у края канавы Крошка, — я хочу домой.

— Теперь ты уже больше никогда не попадешь домой, — мрачно ответил его брат. — Твои кости побелеют на солнце прерий, папа и мама будут плакать, пока не утонут в собственных слезах, и все

равно от вас ничего не останется, а потом над всеми вами будут выть гиены.

Крошка открыл рот, приготовился и громко завопил.

Хомса понял, что этот крик может длиться бесконечно. Поэтому он оставил своего маленького братика в покое и пополз дальше по дну канавы. Он совсем потерял из виду противника; он даже не знал, как выглядит этот противник.

Хомса чувствовал себя брошенным на произвол судьбы и думал, все больше распаляясь: «Лучше бы младших братьев вообще не было. Они должны рождаться сразу большими или вообще не рождаться. Ведь они ничего не знают о войне. Их надо держать в коробке — пока они не начнут хоть что-нибудь понимать».

Канавы были сырые, так что Хомсе пришлось подняться и перейти ее вброд. Это была большая и очень длинная канава. Хомса решил открыть Южный полюс и пошел дальше. Шел он долго-долго и страшно устал; съестные припасы давно кончились, и кроме всего прочего его, к несчастью, укусила белая медведь.

Но вот канава закончилась, и Хомса получил Южный полюс в свое собственное владение.

Теперь он очутился на болоте.

Оно было серо-зеленым с черными окнами, в которых кое-где поблескивала вода. Повсюду, как снег, белели заячьи лапки, уютно пахло болотной затхлостью.

— На болото ходить запрещено, — вслух подумал он. — Запрещено для маленьких хомсят, да и взрослые хомсы никогда сюда не ходят. Но никто, кроме меня, не знает, почему это опасно. По ночам здесь на больших тяжелых колесах разъезжает Карета с Привидениями. Слышно, как она катится где-то вдалеке, но никто не знает, кто ею правит.

— О нет! — воскликнул Хомса и похолодел.

Он вдруг испугался, страх заполз в живот и стал подниматься вверх. Совсем недавно не было еще никакой кареты, никто никогда о ней не слышал. Потом он ее выдумал, и вот она — здесь. Пока еще где-то далеко и только ждет темноты, чтобы подкатить прямо к нему.

— Я думаю, — сочинял Хомса, — я думаю, что теперь я хомса, который десять лет разыскивает свой дом. И теперь этот самый хомса чувствует, что он живет где-то поблизости.

Он принюхался к ветру и двинулся дальше.

Одновременно он размышлял о Болотных Змеях и Живых Грибах, которые ползут за тобой, и тут же они стали расти и расти, поднимаясь из мха.

«Они могут в один присест съесть Крошку, — подумал он с грустью. — А может, уже съели. Они повсюду. Я опасуюсь худшего. Но есть еще надежда на спасательные экспедиции».

Он пустился бежать.

«Бедный Крошка, — думал Хомса. — Такой маленький, такой глупый. Если Болотные Змеи его схватили, у меня не будет больше маленького братика, и тогда я буду самый младший...»

Он зарыдал и побежал уже изо всех сил, его волосы взмокли от страха, он перекатился через пригорок, промчался мимо дровяного сарая, взлетел на крыльцо и закричал:

— Мама! Папа! Крошку съели!

Мама Хомсы была большая и озабоченная, она всегда чем-то озабочена. Тут она так резко вскочила со стула, что горошины из ее фартука рассыпались по всему полу, и закричала:

— Ну? Ну же! Что ты говоришь! Где Крошка? Разве ты за ним не присматривал?

— Ах, — понемногу успокаиваясь, произнес Хомса, — он свалился на болоте в нору Болотной Змеи. И почти тут же

из норы вылезла Змея, обвилась вокруг его толстого животика и откусила ему нос. Вот так все и было. Ясное дело, я просто вне себя, но что поделаешь? Ведь Болотных Змей на белом свете куда больше, чем маленьких братиков.

— Змея?! — закричала мама.

Но папа сказал:

— Успокойся. Он нас дурачит. Сейчас ты убедишься, что он врет.

Папа быстро выглянул в окно и, чтобы не волноваться, посмотрел на пригорок — там сидел Крошка и ел песок.

— Сколько раз я тебе говорил, что врать некрасиво, — сказал папа, а мама немного поплакала и спросила:

— Может, вздуть его хорошенько?

— Пожалуй, — решил папа, — но я как-то не в состоянии сделать это сейчас. Пускай пока согласится хотя бы, что лгать нехорошо.

— А я и не врал, — сказал Хомса.

— Ты сообщил, что твой маленький братик съеден, а на самом деле его никто не съел, — пояснил папа.

— Но ведь это же хорошо! — сказал Хомса. — Разве вы не довольны? Лично

я ужасно доволен, и мне стало легче. Такие Болотные Змеищи могут кого угодно съесть в один присест... понятно? И тогда на всем свете никого не останется — одна *пустота*, и в этой пустоте по ночам будут хохотать гиены.

— Ох, *славный* ты мой, — расчувствовалась мама. — *Славный*.

— Значит, все хорошо, — заключил Хомса. — Есть у нас десерт на ужин?

И вот тут папа Хомсы внезапно рассердился и сказал:

— Сегодня вечером ты десерта не получишь. Ты не получишь и обеда до тех пор, пока не осознаешь, что врать нельзя.

— Так это и ежу ясно, что нельзя, — удивленно возразил Хомса. — Это очень плохо.

— Вот видишь, — сказала мама. — Ну а теперь пусть ребенок ест. До него все равно ничего не доходит.

— Ну уж нет, — стоял на своем папа. — Раз я сказал, что он останется без обеда, значит, он останется без обеда.

Потому что бедный папа решил про себя, что Хомса больше никогда не поверит ему, если он возьмет свои слова обратно.

Пришлось Хомсе пойти и лечь спать до заката солнца. Он чувствовал горькую обиду на маму и папу. Вообще-то они часто вели себя скверно, но так глупо, как сегодня вечером, еще никогда. Поразмыслив, Хомса решил уйти из дому. Не для того, чтобы их наказать, просто

он вдруг очень устал оттого, что они совершенно не способны улавливать и понимать все важное и опасное.

Они просто проводили черту между всем на свете и говорили, что по одну сторону находится все, чему можно верить и употребить, а по другую — только выдуманные и бесполезные вещи.

— Я бы очень хотел, чтобы они в один прекрасный день столкнулись нос к носу с Хотомомбой, — бормотал Хомса, спускаясь украдкой по лестнице и пробираясь на задний двор. — Вот бы они удивились! Или, на худой конец, с Болотным Змеем. Я запросто могу им такого отослать, в коробочке, только накрою ее стеклянной крышккой, — ведь я вовсе не хочу, чтобы их съели!

Хомса побрел назад к запретному болоту — чтобы доказать самому себе, какой он самостоятельный. Теперь болото было синим, почти черным, а небо — зеленым. Вдали над горизонтом горела золотисто-желтая лента заката, из-за которой болото казалось ужасно большим и печальным.

— Я не врун, — произнес Хомса и зашлепал по грязи дальше. — Все пра-

вильно. И Враги, и Хотомомба, и Болотные Змеи, и Карета с Привидениями. Они точно так же есть на свете, как, например, соседи, или садовники, или куры, или самокат.

Тут Хомса забрел в осоку, остановился и прислушался.

Где-то там, на другом конце болота, катилась Карета с Привидениями. Она расплескивала красный свет над вереском, она поскрипывала, потрескивала и мчалась все быстрее и быстрее.

— И не надо было выдумывать, будто карета есть на самом деле, — упрекнул себя Хомса. — Она уже есть. Беги!

Кочки колыхались и увертывались изпод ног, черные ямы, наполненные водой, следили за ним из осоки, будто чьи-то глаза, его слезы перемешивались с болотной тиной.

«И не смей думать о Болотных Змеях», — подумал Хомса. И в ту же секунду подумал о них — страшных и живых-преживых. Вот они все выползли из своих нор и облизывают усы.

— Был бы я таким, как мой маленький братик-толстяк! — воскликнул в отчаянии

Хомса. — Он думает животом, ест опилки, землю и песок, пока не подавится. Однажды он даже попытался проглотить воздушный шарик. Если бы ему это удалось, то мы бы никогда его больше не увидели.

Хомса пришел в восторг от этой мысли и даже остановился. Маленький, толстый, упитанный хомсенок, улетающий прямо в небо. Ноги беспомощно болтаются в воздухе, а изо рта торчит нитка от шарика...

— Ой, нет!

Далеко в глубине болота светилося окошко. Как ни странно, это была вовсе не Карета с Привидениями. Это было простое четырехугольное окошко, светившееся ясным, ровным светом.

— А теперь ты пойдешь туда, — приказал себе Хомса. — Только иди, а не беги, иначе испугаешься. И ни о чем не думай, просто иди.

Домик был круглый, — по-видимому, там жила какая-то мюмла*. Хомса постучался, постучался много раз, и, поскольку никто не вышел открыть дверь, он шагнул в домик.

В домике было тепло и уютно. На подоконнике стояла лампа, и от ее света ночь

* См.: Туве Янссон. Мемуары папы Муми-тролля.

казалась черной как уголь. Где-то тикали часы, а наверху, на шкафу, лежала на животике совсем крохотная мюмла и глядела на него.

— Привет, — сказал Хомса. — Мне удалось спастись в последнюю минуту. Болотные Змеи и Живые Грибы! Ты и понятия об этом не имеешь.

Маленькая мюмла молча критически рассматривала его. А потом произнесла:

— Меня зовут Мю. Я тебя раньше видела. Ты выгуливал маленького толстого хомсенка и все время что-то бормотал себе под нос и размахивал лапками. Ха-ха!

— Чепуха, — возмутился Хомса. — А сама-то ты почему торчишь на шкафу? Это просто глупо.

— Для некоторых, — произнесла Малышка Мю, растягивая слова, — для некоторых, может, это и глупо, а для меня — единственное спасение от ужасной судьбы.

Свесившись с края шкафа, она зашептала:

— Живые Грибы уже забрались в прихожую.

— Что-что? — удивился Хомса.

— Сверху мне видно, что они сидят перед нашей дверью и ждут, — продолжала

Мальшка Мю. — Ты поступишь умно, если скатаешь вон тот коврик и прикроешь им щель в двери. А не то они съежатся и проползут под дверью.

— Неужели это правда? — спросил Хомса. В горле у него застрял комок. — Не может быть. Этих самых грибов еще сегодня утром и в помине не было. Я сам их придумал.

— Что-о? — грозно произнесла Мю. — Грибов-Прилипучек, которые растут, как толстое одеяло залезают на свои жертвы и прилепляются к ним намертво?

— Я не знаю, — дрожа от страха, прошептал Хомса, — я не знаю.

— Моя бабушка уже обросла ими, — мимоходом обронила Мальшка Мю. — Она там, в гостиной. Вернее, то, что от нее осталось. Она похожа на большую грудку зелени, только с одной стороны еще торчат усы. Можешь положить коврик еще и у той двери. Если это только возможно.

Сердце у Хомса страшно колотилось, лапки окостенели, и лишь с большим трудом ему удалось скатать коврики. А часы все тикали где-то в доме.

— Слышишь — это Прилипучки так громко растут, — пояснила Мю. — Они все растут и растут, пока двери не расколуются, и тогда они полезут на тебя.

— Возьми меня к себе на шкаф! — завопил Хомса.

— Здесь не хватит места, — ответила Мальшка Мю.

Тут кто-то постучал в дверь дома.

— Чудно́, — произнесла Мальшка Мю и вздохнула, — чудно́, что они еще затрудняют себя стуком, хотя запросто могут войти, стоит им только захотеть.

Хомса метнулся к шкафу и попытался вскарабкаться наверх. В дверь опять постучали.

— Мю! Стучат! — прокричал вдруг кто-то в доме.

— Да, да, да, дверь не заперта, — громко крикнула Мальшка Мю. — Это кричала моя бабушка, — объяснила она, — подумать только, что после всего этого она еще может что-то произнести.

Хомса неотрывно глядел на дверь в прихожую. Она начала открываться, и уже образовалась маленькая черная щелка. Он дико закричал и покатился под диван.

— Мю, — сердито сказала бабушка, — ну сколько раз я тебе говорила: открывай дверь, когда стучат. И зачем это ты положила коврики под дверьми? И почему мне никогда не дают спокойно поспать?

Это была ужасно старая и сердитая бабушка, в длинной, до пят, белой ночной сорочке. Она прошла через всю комнату, открыла входную дверь и сказала:

— Добрый вечер!

— Добрый вечер, — ответил ей папа Хомсы. — Извините за беспокойство. Вы случайно не видели моего сына, предпоследнего?

— Он сидит под диваном! — закричала Мальшка Мю.

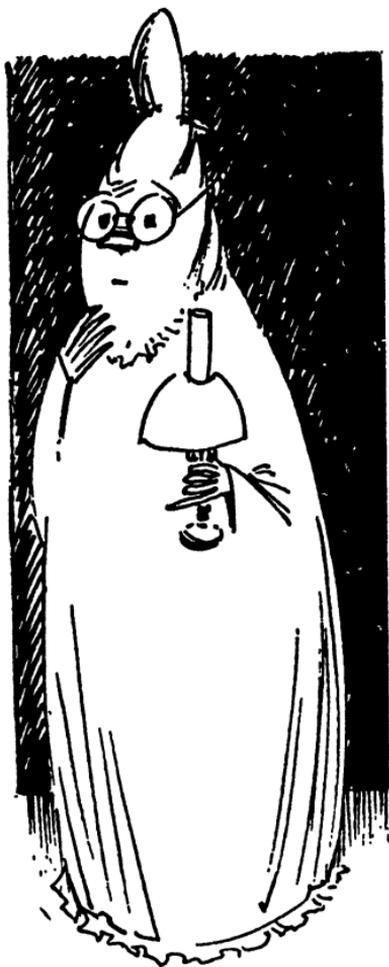
— Можешь выходить, — сказал папа Хомсы. — Я на тебя не сержусь.

— Вот как, — сказали под диваном.

— Ну ладно, — устало произнесла бабушка. — Конечно, это приятно, когда внучата тебя навещают, да еще Мальшка Мю любит приглашать домой своих друзей поиграть. Однако я предпочитаю, чтобы они играли днем, а не ночью.

— Извините! — поспешно откликнулся папа Хомсы. — В следующий раз он придет до обеда.

Хомса вылез из-под дивана. На Мю он не смотрел, а на ее бабушку — тем более. Он прошел прямо к двери и спустился вниз по ступенькам — в темноту.

Папа шагал рядом, не произнося ни слова. Сам Хомса был так уязвлен, что чуть не плакал.

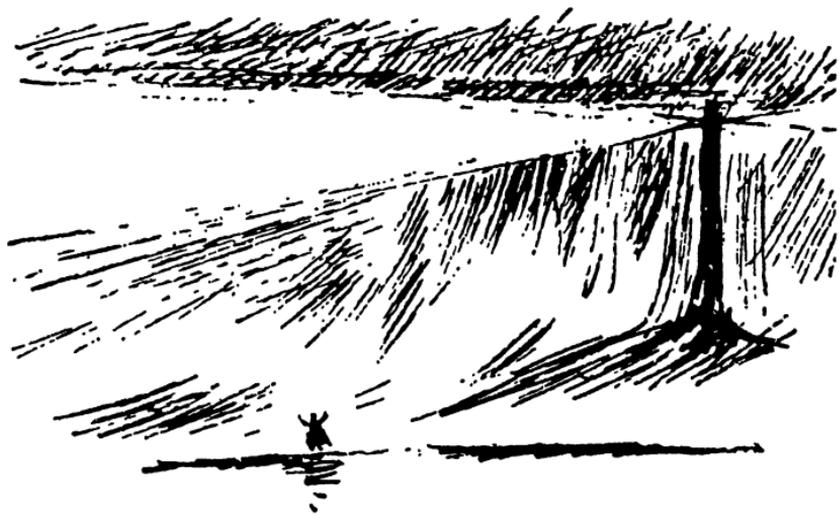
— Папа, — произнес он наконец, — эта малявка... ты даже себе не представляешь... Больше я туда никогда не пойду, — гневно продолжал Хомса. — Она меня одурачила! Она все наврала! Она так ужасно врет, что можно просто заболеть.

— Я понимаю, — ласково ответил папа. — Это бывает ужасно неприятно.

И они пошли домой и съели все сласти, которые еще остались от десерта.

ФИЛИФЬОНКА,
КОТОРАЯ ЗЕРИЛА
З КАТАСТРОФЫ

Жила-была Филифьонка. Однажды она стирала в саду лоскутный коврик — терла его намыленной щеткой до крайней голубой каемки и ждала каждую седьмую волну, а та появлялась как раз в нужный момент, чтобы смыть мыльную пену.

Потом она терла коврик до следующей голубой каемки. Солнце меж тем согревало ей спину, а она стояла своими ножками в прозрачной воде и все терла и терла коврик.

Был мягкий и тихий, самый подходящий для стирки коврика солнечный день. Медленно и сонно катились волны прибоя, лениво помогая Филифьонке, а пчелы

жужжали вокруг ее красной шапочки, принимая шапочку за цветок.

«Ладно, помогайте, помогайте, — угрюмо думала Филифьонка. — Я-то знаю, как на самом деле обстоят дела. Так мирно бывает только перед катастрофой».

Она добралась до последней голубой каемки. Седьмая волна обмывала коврик, пока Филифьонка не втощила его в море целиком, чтобы хорошенько прополоскать.

Филифьонка видела ровное красноватое скалистое дно; а там внизу, под водой, прыгали взад-вперед солнечные блики. Они плясали и на пальцах ее ног, окрашивая их — все десять — в золотистый цвет.

Она погрузилась в размышления. Можно было бы раздобыть новую оранжевую шапочку. Или вышить солнечные блики по краю каймы старой. Вышить

золотом. Но конечно, это все равно будет уже не то — ведь солнечные блики на шапочке останутся неподвижными. И вообще, что делать с новой шапочкой, когда подступит опасность? С таким же успехом можно погибнуть и в старой...

Филифьонка вытащила коврик на берег, хорошенько выбила его о склон горы и с недовольным видом начала вышагивать по нему, чтобы выжать воду.

Погода стояла на редкость прекрасная, и это было странно. Что-то должно случиться. Она это знала. Где-то за горизонтом собиралось что-то темное и опасное, оно пробивалось наверх, вот оно уже приближается — все быстрее и быстрее...

— Знать бы, что это такое, — прошептала Филифьонка. — Все море чернеет, что-то бормочет, солнечный свет меркнет...

У нее застучало сердце, похолодела спина, и она обернулась, словно ожидая увидеть врага. Море сверкало, как прежде, солнечные блики, танцуя, выписывали на дне игривые восьмерки, а летний ветер, как бы утешая, сочувственно гладил ее мордочку.

Но не так-то легко утешить Филифьонку, охваченную паникой неизвестно почему.

Дрожащими лапками расстелила она на просушку коврик, поспешно собрала мыло и щетку и помчалась домой, чтобы вскипятить чайник. Около пяти часов к ней обещала заглянуть Гафса.

Дом Филифьонки был большой и не слишком красивый. Кто-то, видно, захотел избавиться от банок со старой краской и выкрасил его снаружи в темно-зеленый, а внутри — в бурый цвет. Филифьонка сняла дом в наем, без мебели, у одного хемуля. Он уверял, что Филифьонкина бабушка, мама ее мамы, жила здесь летом в дни молодости. А поскольку Филифьонка очень любила свою родню, она тут же подумала, что ей надо поселиться в этом доме, чтобы почтить память бабушки.

В первый вечер она сидела на крыльце и думала, что ее бабушка, должно быть, в молодости была совсем другая. Невозможно представить себе, чтобы настоящая филифьонка, равнодушная к красоте природы, могла бы поселиться здесь, на этом ужасном берегу с такой скудной растительностью. Ни сада, где можно варить варенье, ни единого, самого маленького, лиственного дерева, которое можно пре-

вратить в беседку, и даже ни единого приличного пейзажа.

Филифьонка вздыхала, потерянно разглядывая зеленое сумеречное море с полоской прибоя вдоль всего длинного побережья. Зеленое море, белый песок, красноватые водоросли — фукус — все было специально создано для катастроф. И ни единого надежного местечка.

Правда, потом Филифьонка, разумеется, узнала, что она глубоко ошибалась.

Она совершенно напрасно переехала в этот ужасный дом на этот ужасный берег. Ее бабушка, конечно же, обитала совсем в другом доме. Да, так оно и бывает в жизни.

Но поскольку Филифьонка уже успела написать всем родственникам о переезде, она решила: менять дом неудобно. Родственники могут подумать, что она перекаати-поле.

И Филифьонка заперла за собой все двери и попыталась навести в доме уют. Это было нелегко. Комнаты были такие высокие, что потолок все время был в тени. И ни одна кружевная гардина в мире не сделала бы огромные чопорные окна более приветливыми. Ни одного окна

во всем доме, из которого открывался бы какой-нибудь красивый вид! И только через одно окно можно было заглянуть в комнату. А это было Филифьонке совсем не по душе.

Она попыталась навести уют в углах комнаты, но уютными они так и не стали. Мебельные гарнитуры терялись в углах. Стулья искали защиты у стола. Объятый ужасом диван полз к стене. А круги света от лампы были такими же беспомощными, как тревожный луч карманного фонарика в дремучем лесу.

Как у всех филифьонок, у нее было множество безделушек: маленькие зеркала и фотографии родственников в бархатных рамочках, ракушки, фарфоровые котята и хемули, отдохавшие на вязаных салфетках, прекрасные изречения, вышитые шелком или серебром, малюсенькие вазочки и хорошенькие грелки-мюмлы для чайника... Да, все, что делает жизнь более легкой, а кроме того, значительной и менее опасной.

Но все эти красивые вещицы утратили свою надежность и свой смысл в этом мрачном доме у моря. Она переставляла безделушки со стола на ко-

мод, с комода на подоконник, но они всюду были не к месту.

И вот там они теперь и стояли, все такие же растерянные... Филифьонка остановилась в дверях, пытаясь найти утешение у своих вещей, но они были так же беспомощны, как и она сама. Она пошла на кухню и положила на мойку мыло и щетку для чистки ковров. Потом зажгла конфорку на плите под чайником и поставила на стол самые красивые чашки с золотой каемочкой. Она достала блюдо с печеньем, проворно сдула крошки с краев и положила сверху несколько глазированных пряников, желая произвести впечатление на Гафсу.

Хотя Гафса пила чай без сливок, Филифьонка все-таки выгащила бабушкин серебряный сливочник в форме ладьи. Сахар она положила в маленькую плюшевую корзиночку с изукрашенной жемчугом ручкой.

Накрывая на стол, она чувствовала себя абсолютно спокойно, и все мысли о катастрофе были забыты.

Жаль только, что в этих отмеченных печатью рока местах невозможно найти красивых, подходящих случаю цветов! Все здешние цветы походили на маленькие,

злобно оцетинившиеся кустики, да и по тону не гармонировали с гостиной. Филифьонка недовольно отставила в сторону вазу и шагнула к окну посмотреть, не идет ли Гафса.

Но потом быстро подумала: «Нет, нет, смотреть не стану. Подожду, пока она не постучит. Тогда я побегу, открою дверь, и мы будем страшно рады друг другу и наболтаемся всласть... А если я посмотрю, не идет ли она, берег вполне может оказаться пустынным до самого маяка. Или же маленькая точка будет неумолимо приближаться и приближаться, а я этого терпеть не могу. Но еще хуже будет, если эта точка вдруг станет уменьшаться и пойдет своей дорогой...»

Филифьонку начало трясти.

«Что это со мной? — подумала она. — Надо поговорить об этом с Гафсой. Может, она и не из тех, с кем я охотнее всего поделилась бы своими мыслями, но ведь я больше никого не знаю».

В дверь постучали. Филифьонка кинулась в прихожую и начала болтать еще до того, как отворила дверь.

— ...И такая прекрасная погода! — кричала она. — Море, подумать только,

море... такое голубое, такое ласковое, ни малейшей ряби... Как вы поживаете? Да, вы выглядите блистательно, но этого и следовало ожидать... Но, видите ли, если живешь вот так — в близости к природе и все такое прочее, — все ведь должно наладиться, не правда ли?

«Она сегодня еще более бестолкова, чем всегда», — подумала Гафса и сняла перчатки (потому что была настоящей дамой), а вслух сказала:

— Конечно, вы абсолютно правы, фру Филифьонка.

Они сели к чайному столику. Филифьонка была безумно рада, что она не одинока, и поэтому несла всякую чушь, а потом даже опрокинула на скатерть чашку с чаем.

Гафса хвалила пряники и сахарницу и все, что только попадалось ей на глаза. И только о цветах ничего не сказала. Кто угодно увидел бы, что эти дикие, злобно оцетинившиеся кустики совершенно не подходят к чайному сервизу, но Гафса была прекрасно воспитана.

Вскоре Филифьонка перестала болтать, и, поскольку Гафса не говорила ни слова, стало совершенно тихо.

Внезапно солнечный луч на скатерти угас. Тучи застлали огромные чопорные окна, и обе дамы услышали, как над морем мчится ветер. Мчится далеко-далеко, с легким шумом, напоминающим тихий шепот.

— Я вижу, вы, фру Филифьонка, выстирали коврик? — вежливо поинтересовалась Гафса.

— Да, ведь морская вода очень хороша для ковров, — ответила Филифьонка. — Краски не линяют, а потом от ковров исходит такой свежий запах...

«Нужно заставить Гафсу понять... — думала она. — Я должна дать кому-нибудь понять, как мне страшно, кому-нибудь, кто ответит мне: „Конечно, тебе страшно, я так тебя понимаю!“ Или же: „Но, милая моя, чего же тут бояться? Ведь нынче такой прекрасный, спокойный летний день“. Дать понять кому угодно, хоть кому-нибудь».

Но вслух сказала:

— Эти пряники я испекла по бабушкиному рецепту. — И, нагнувшись над чайным столиком, прошептала: — Это спокойствие — неестественно. Явно случится что-нибудь ужасное. Дорогая Гафса, поверьте мне, мы очень мелки с нашими

пряниками к чаю и с нашими ковриками и со всем тем, что для нас так важно. Ужасно важно, вы это знаете. Но этому важному всегда грозит неумолимый рок.

— О! — сказала смущенная Гафса.

— Да, да, неумолимый рок, — быстро продолжала Филифьонка. — Его нельзя успокоить, нельзя понять, с ним нельзя обмениваться мнениями и ни о чем нельзя спросить... Он скрывается во мраке за окном, далеко-далеко на дороге, далеко-далеко в открытом море, — и все растет и растет, и его не увидишь, пока не будет слишком поздно. Вы, Гафса, когда-либо знавали такое? Ну скажите, что с вами это ну хоть когда-нибудь случалось. Милая, вы скажете, да?

Лицо Гафсы побагровело, она все вертела и вертела в руках сахарницу и все думала: не надо было сюда приходить.

— В это время, поздним летом, иногда дует по-настоящему сильный ветер, — осторожно сказала она.

Филифьонка погрузилась в разочарованное молчание. Гафса тоже немного помолчала и чуть раздраженно продолжала:

— В пятницу я сушила белье, и, хотите верьте, хотите нет, дул такой ветер,

что мне пришлось бежать до самой калитки за моей лучшей наволочкой. Каким вы пользуетесь порошком, фру Филифьонка?

— Не помню, — ответила Филифьонка, вдруг ужасно устав оттого, что Гафса даже не попыталась ее понять. — Хотите еще чаю?

— Нет, благодарю, — отказалась Гафса. — Визит был короткий, но такой приятный! Боюсь, мне пора понемногу собираться домой.

— Да-да, — ответила Филифьонка. — Понимаю.

За окном над морем уже нависла темнота, а волны что-то бормотали берегам.

Было еще рано. Филифьонка не стала зажигать лампу, не желая выказать свой страх, и в комнате было чересчур сумрачно и неудобно. Узенькая мордочка Гафсы казалась еще более сморщенной, чем обычно. Похоже, ей было тут не по душе. Но Филифьонка не стала помогать ей собираться, она не вымолвила больше ни слова, а лишь совершенно спокойно сидела, разламывая на мелкие кусочки глазированные пряники.

«Какая мука», — подумала Гафса и, незаметно придвинув к себе свою сумку, лежавшую на комодe, сунула ее под мышку. За окном крепчал зюйд-вест.

— Вы говорите о ветре? — вдруг спросила Филифьонка. — О ветре, что умчался вместе с вашим выстиранным бельем? А я говорю о циклонах. Об ураганах, дорогая Гафса. О смерчах, о вихрях, о тайфунах, о песчаных бурях... О речных приливных волнах, уносящих с собой дом... Но более всего я говорю о самой себе, хотя это не слишком прилично. Я знаю, что все пойдет прахом. Я все время думаю об этом. Даже когда стираю коврик. Можете ли вы это понять? Чувствуете ли вы то же самое?

— Очень хорошо стирать с уксусом... — сказала Гафса, не отрывая глаз от чашки с чаем. — Ковры хорошо сохраняют цвет и не линяют, если налить немного уксуса в воду, когда полощешь в морской воде.

Тут Филифьонка разозлилась, что было на нее совершенно не похоже. Она чувствовала: просто необходимо как-то раздражить Гафсу, и она сделала первое, что пришло ей в голову. Показав на гадкий букетик в вазе, она воскликнула:

— Взгляните на него! Какой он красивый! И точь-в-точь гармонирует с сервизом.

Но Гафса тоже очень от всего устала и рассердилась. Вскочив на ноги, она воскликнула:

— Ничего подобного! Он слишком большой, колючий и пестрый, он выглядит нагло и вызывающе и совершенно не подходит к чайному столику!

Тут дамы распрощались, и Филифьонка, заперев за Гафсой дверь, вернулась в гостиную.

Она была огорчена, разочарована, ей казалось, что визит Гафсы был неудачен. Колючий кустик стоял посреди чайного столика, весь усеянный темно-красными цветами. Филифьонка вдруг поняла, что не цветы плохо гармонируют с сервизом, а сервиз не подходит ни к чему вообще.

Она поставила вазу на подоконник.

Море преобразилось. Оно стало серым, а волны, увенчанные белыми зубцами, злобно цеплялись за берег. Небо было чуть багровым и тяжелым.

Филифьонка по-прежнему стояла у окна. Она стояла долго, прислушиваясь, как усиливается ветер.

И тут зазвонил телефон.

— Это вы, фру Филифьонка? — настороженно спросил голос Гафсы.

— Разумеется, это я, — ответила Филифьонка. — Здесь, кроме меня, никто не живет. Хорошо ли вы добрались?

— Конечно, конечно, — сказала Гафса. — Кажется, снова поднимается ветер. — Немного помолчав, она ласково спросила: — Фру Филифьонка, а вот все эти ужасы, о которых вы говорили, они часто случались?

— Нет, — ответила Филифьонка.

— Стало быть, только иногда?

— Вообще-то говоря, никогда. Это просто такое чувство.

— О! — воскликнула Гафса. — Я только хотела поблагодарить вас за сегодняшнее приглашение. Так, стало быть, с вами ничего не случилось? Никогда?

— Нет, — ответила Филифьонка. — Очень мило, что вы позвонили. Надеюсь, мы как-нибудь встретимся.

— Я тоже надеюсь, — произнесла Гафса и положила трубку.

Филифьонка посидела некоторое время, глядя на телефон. Она мерзла.

«Скоро окна совсем потемнеют, — подумала она. — Завесить бы их одеялами. А зеркала повернуть бы к стене».

Но она так ничего и не сделала, прислушиваясь к вою ветра в дымовой трубе. Ветер выл точь-в-точь как маленький брошенный зверек.

На южной стороне дома верша хемуля начала стучать о стенку, но Филифьонка не осмелилась выйти во двор и убрать ее.

Дом тихонько задрожал; теперь ветер налетал толчками, слышно было, как буря, набирая силу, мчится вприпрыжку над

морскими волнами. С крыши соскользнула черепица и разбилась о скалу. Филифьонка вздрогнула и поднялась. Она быстро прошла в спальню. Но спальня была слишком большая и казалась ненадежной. Ну а кладовка? Она ведь очень маленькая, и там будешь в безопасности! Филифьонка схватила в охапку одеяло и бросилась по коридору к кухне, толкнула ногой дверь в кладовую и, задыхаясь, заперла ее за собой. Сюда не так доносился шум бури. И не было окна, только маленькая форточка. Филифьонка ошунью пробралась в темноте мимо мешков с картофелем и, завернувшись в одеяло, приткнулась вплотную к стене под полкой с банками варенья.

Медленно, очень медленно разыгрывавшаяся фантазия Филифьонки начала рисовать собственную бурю, гораздо более мрачную и безумную, чем та, что сотря-

сала ее дом. Буруны превращались в громадных белых драконов, ревущий смерч взбаламучивал воду, превращая ее в черный столб у самого горизонта, в черный сверкающий столб, который мчался прямо ей навстречу, все ближе и ближе...

Ее собственная душевная буря всегда бывала ужаснее всего, но так ведь случилось всегда. И в самой глубине души Филифьонка чуточку гордилась своими личными катастрофами, о которых знала только она одна.

«Гафса просто ослица, — думала она. — Глупая дамочка, у которой в голове, кроме пряников к чаю и наволочек, ничего нет. Она даже в цветах не разбирается. А во мне тем более. Теперь она сидит там и думает, что со мной никогда ничего не случилось. Это со мной-то, со мной! Ведь я каждый день переживаю гибель земного шара и все же по-прежнему одеваюсь и раздеваюсь, и ем, и мою посуду, и как ни в чем не бывало принимаю гостей».

Филифьонка высунула мордочку из-под одеяла, сурово взгляделась в темноту и сказала:

— Я вам покажу!

Что она хотела этим сказать?! Затем она снова залезла под одеяло и прикрыла уши лапками.

Время близилось к полуночи, а за окнами все нарастал и нарастал шторм; к часу ночи ветер достиг уже сорока шести метров в секунду.

Где-то около двух часов ночи сдуло дымовую трубу. Половина ее рухнула на дом, а остальное съехало вниз, в очаг. В дыру, образовавшуюся в крыше, видно было темное ночное небо с мчавшимися по нему огромными тучами. А потом шторм ворвался в дом, и уже больше ничего нельзя было разглядеть, кроме пепла, летевшего из очага, и развевавшихся на ветру гардин, и скатертей, и семейных фотографий, метавшихся в воздухе вокруг Филифьонки. Перепуганные безделушки ожили; вокруг все шуршало, звенело и грохотало, двери хлопали, картины съезжали на пол.

Обезумевшая Филифьонка в полной растерянности стояла посреди гостиной в развевающемся платье, и в голове у нее стучало: «Ну вот! Случилось! Теперь все пропало! Наконец-то! Теперь мне больше нечего ждать».

Она подняла телефонную трубку, чтобы позвонить Гафсе и сказать ей... ну да, сказать такое, что навсегда приклепнуло бы Гафсу к стенке. Что-нибудь торжествующее и успокоительное.

Но телефонные провода тоже сдуло ветром.

Филифьонка ничего не слышала, кроме рева бури и грохота съезжавшей с крыши черепицы.

«Если я поднимусь на чердак, ветром сдует крышу, — подумала она. — А если спущусь в погреб, на меня обрушится весь дом. Так всегда бывает, когда что-нибудь случается».

Схватив фарфорового котенка, она крепко прижала его к груди. Внезапно ветром рвануло окно, и по полу вихрем закружились осколки стекла. Потоки дождя заливали мебель красного дерева, а красивый гипсовый хемуль сорвался с пьедестала и разбился вдребезги.

С ужасным грохотом и звоном рухнула на пол огромная хрустальная люстра, доставшаяся ей от дядюшки, маминого брата. Филифьонка услышала, как рыдают и жалуется ее вещи, увидела, как мелькает в разбитом зеркале ее собственная бледная мордочка, и, не задумываясь, ринулась к окну и выпрыгнула из него.

И вот она сидит на песке. Теплый дождик оmyвает ее лицо, а платье, точно парус, хлопает и развевается вокруг.

Она крепко зажмурилась, поняв, что теперь она — в самом центре опасности и совершенно беспомощна.

Шторм уходил все дальше и дальше, он бушевал, решительный и уверенный.

Но все самые страшные звуки стихли. Стихло все, что выло, хрустело, разбивалось вдребезги, раскалывалось на части, падало и рвалось. Опасность таилась в самом доме, а вовсе не где-то на воле.

Филифьонка осторожно вдохнула едкий запах водорослей и открыла глаза.

Мрак уже не был так беспросветно-черен, как в гостиной.

Волны медленно бились о берег, плыли мимо нее все дальше и дальше за песчаные дюны, исчезая вдали, у самого горизонта, и снова возвращаясь назад. А спокойные лучи маяка свершали свой медленный круговорот в ночи, неусыпно следя за штормом.

«Никогда раньше я не бывала ночью одна вне дома, — подумала Филифьонка. — Знала бы мама!..»

Она поползла вниз по береговому откосу навстречу ветру — чтобы как можно дальше уйти от дома хемуля, — все еще держа в лапке фарфорового котенка. Ее немного утешало то, что она может хоть кого-то опекать и защищать.

Море стало белым от пены, ветер резкими порывами налетал на соленые гребни волн, и они взлетали над берегом, как столбы дыма.

В доме за ее спиной что-то грохнуло, но Филифьонка даже не оглянулась. Она сидела, скрючившись, за громадным камнем и широко открытыми глазами смотрела в ночь. Она больше не мерзла. Самое поразительное было то, что она вдруг почувствовала себя в абсолютной безопасности. Ощущение было для Филифьонки совершенно необычным и показалось ей чарующе прекрасным. Да и о чем, собственно говоря, беспокоиться? Ведь катастрофа уже разразилась.

К утру шторм утих. Филифьонка едва обратила на это внимание, она сидела, размышляя о самой себе, о своих личных катастрофах, о своей мебели, и думала: как же ей теперь все обустроить по-настоящему? Собственно говоря, ничего ведь не произошло, просто ветром сдуло дымовую трубу.

Но в глубине души Филифьонка чувствовала, что это — самое важное событие, которое случилось в ее жизни. Оно потрясло и совершенно перевернуло все ее существо. Она не знала, как поступить, чтобы снова вернуться в обычную колею.

Она думала, что прежней Филифьонки уже не существует, и даже не была

уверена в том, что желает ее возвращения. Ну а все, чем владела прежняя Филифьонка?

А все, что разбилось, покрылось сажей, треснуло и промокло насквозь? Подумать только, недели напролет восстанавливать все это, клеить, чинить да разыскивать затерявшиеся обломки и осколки...

Стирать, и гладить, и красить, и огорчаться оттого, что некоторые вещи починить невозможно. И постоянно помнить, что непременно остались кое-где трещины и щели и что раньше все было гораздо лучше... О нет! А потом выставить всю эту нищенскую дребедень, как и раньше, в мрачной комнате и по-прежнему думать, что это и есть настоящий домашний уют...

— Нет, этого я делать не стану! — воскликнула Филифьонка и поднялась на ноги. Они у нее совершенно затекли и застыли. — Если я попытаюсь сделать все точно так же, как прежде, я и сама стану прежней. Я снова стану бояться... Я чувствую это. Тогда за мной снова тайком прокрадутся циклоны, ураганы и тайфуны...

Она впервые внимательно посмотрела на дом хемуля. Он стоял на месте. Все,

что разбилось, было в доме и ждало, когда она им займется и позаботится обо всем.

Никогда еще ни одна подлинная филифьонка не бросила бы свою прекрасную, унаследованную мебель на произвол судьбы...

— Мама наверняка сказала бы: на свете существует нечто, имя которому долг, — пробормотала Филифьонка.

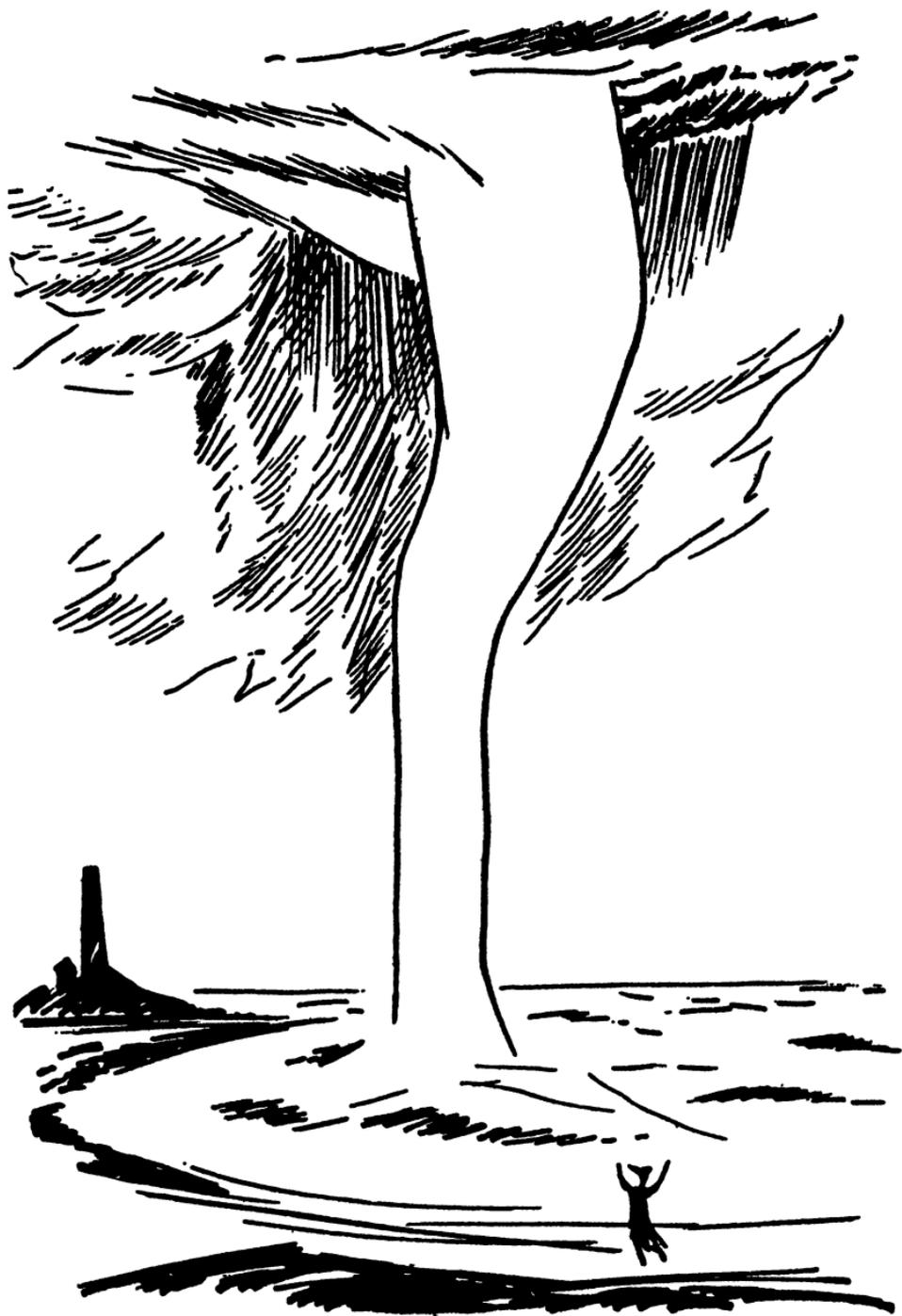
Уже наступило утро.

Восточная часть горизонта ждала восхода солнца. Над морем проносились робкие порывы ветра, а небо было покрыто тучами, которые забыла прихватить с собой буря. Раздалось несколько слабых раскатов грома.

Погода была беспокойная, и волны не знали, чего хотят. Филифьонка заколебалась.

И тут вдруг она увидела смерч.

Он был совершенно не похож на ее личный, воображаемый смерч — черный, блестящий водяной столб. Это был настоящий смерч, сотворенный природой, — клубящаяся светлая туча, которая сворачивалась книзу в гигантскую спираль. А в том месте, где вода поднималась из моря,

чтобы встретиться со смерчем, спираль была белая как мел.

Смерч не ревел, не буйствовал. Тихо и молчаливо двигался он к берегу, медленно раскачиваясь из стороны в сторону, а восходящее солнце окрашивало его багрянцем. Бесконечно высокий, огромный, он неистово вращался, все приближаясь и приближаясь.

Филифьонка не могла шевельнуться. Она стояла молча, совершенно тихо, глядя фарфорового котенка, и думала: «О моя прекрасная, чудесная личная катастрофа!..»

Смерч продвигался над берегом, совсем близко от Филифьонки. Белый вихрь — теперь уже песчаный столб — величественно скользнул мимо нее и очень спокойно, легко поднял ввысь крышу дома хемуля. Филифьонка увидела, как крыша поднялась, взлетела и исчезла. Она увидела и свою мебель, вихрем взметнувшуюся вверх и исчезнувшую вдали. Она увидела, как все, что украшало ее дом, взлетело в небо: подносы, скатерти, семейные фотографии, и грелки для чайника, и бабушкин серебряный сливочник, и памятные изречения, вышитые шелком и серебром, — все, все, все! И она с восторгом подумала: «О, как

прекрасно! Как могу я, бедная маленькая Филифьонка, противиться великим силам природы?! Что еще можно сделать после всего, что произошло! Все вычищено и выметено до основания!»

Смерч торжественно прошествовал над землей, становясь все уже и уже, а потом лопнул и растворился в воздухе. Он был больше не нужен.

Филифьонка глубоко вздохнула.

— Я больше никогда не стану бояться, — сказала она себе. — Теперь я вольная птица. Теперь я могу делать все, что хочу.

Она поставила котенка на камень. Одно ушко у него непонятно когда, видимо ночью, отбилось, а на мордочке появились жирные пятна, из-за чего она приобрела совершенно новое выражение, чуть хитроватое и дерзкое.

Солнце поднялось. Филифьонка спустилась к берегу на мокрый песок. Там валялся ее коврик. Море разукрасило его ракушками и водорослями, и ни один коврик в мире никогда не был так тщательно выстиран. Филифьонка хихикнула. Взяв коврик обеими лапками, она потянула его за собой в воду.

Она нырнула в большую зеленую волну, уселась на коврик и поплыла прямо в шипящую белую пену, а потом снова нырнула на самое дно. Над ней одна за другой катились прозрачно-зеленые волны. И Филифьонка снова поднялась на поверхность — к земле и к солнцу. Она отплевывалась, и хохотала, и кричала, и плясала со своим ковриком в волнах.

Никогда за всю жизнь ей не было так весело!

Гафсе пришлось довольно долго кричать, прежде чем Филифьонка ее заметила.

— Это ужасно! — кричала Гафса. — Милая, добрая, бедная фру Филифьонка!

— Доброе утро! — поздоровалась Филифьонка, вытаскивая коврик на берег. — Как поживаете?

— Я вне себя, — разразилась Гафса. — И я все время думала только о вас! Какая ночь! Я видела этот смерч, я видела, как он появился. Ведь это же настоящая катастрофа!

— Какая катастрофа? — невинно спросила Филифьонка.

— Вы были правы, ах, как вы были правы, — сокрушалась Гафса. — Вы ведь

говорили, что будет катастрофа. Подумать только, все ваши прекрасные вещи!.. Весь ваш прекрасный дом!.. Я всю ночь пыталась вам дозвониться, я так беспокоилась, но телефонные провода сдуло ветром...

— Как мило с вашей стороны! — сказала Филифьонка, выжимая воду из шапочки. — Но на самом деле это было совершенно лишнее. Вы ведь знаете, что, когда полощешь ковры, надо всего-навсего подлить в воду немного уксуса и тогда их цвет совершенно не изменится! И вовсе незачем беспокоиться!

И, усевшись на песок, Филифьонка захотела так, что на глазах у нее выступили слезы.

ПОЖЕсть
О ПОСЛЕДНЕМ
В МИРЕ
ДРАКОНЕ

Жаркая пора лета подходила к концу, и в четверг на дне большой ямы с бурой водой, что справа от папиного гамака, Муми-тролль поймал маленького дракона.

Ясное дело, он вовсе не собирался ловить дракона. Он только пытался схватить несколько мелких насекомых, сновавших на илистом дне, чтобы посмотреть, как они шевелят ножками, когда плавают, и правда ли, что они плавают задом наперед. Но, быстро приподняв стеклянную банку, он увидел там что-то совсем другое.

— Клянусь своим хвостом! — восторженно прошептал Муми-тролль.

Держа банку обеими лапками, он смотрел во все глаза и не мог насмотреться.

Дракончик был не больше спичечного коробка. Очаровательно двигая прозрачными крылышками, такими же красивыми,

как плавники золотой рыбки, он плавал, описывая круги на воде.

Но ни одна золотая рыбка на свете не была так роскошно позолочена, как этот крохотный дракончик. Он весь сверкал, он блестел на солнце, его маленькая головка была ярко-изумрудная, а глаза желтые, как лимончики. Каждая из шести позолоченных лапок дракончика завершалась крошечными пальчиками, а кончик позолоченного хвостика тоже был зеленый. Дракончик был просто изумительный.

Муми-тролль завинтил крышку с отверстиями для воздуха и осторожно сунул банку в мох. Затем лег на живот и стал рассматривать дракончика вблизи.

Тот подплывал прямо к стеклянной стенке банки и раскрывал свою маленькую пасть, усаженную крохотными-прекрохотными белыми зубками.

«Он злой, — подумал Муми-тролль, — злой, хоть и ужасно малюсенький. Как сделать, чтобы он меня полюбил?.. И что он ест? Что вообще ест дракон?..»

Взволнованный и озабоченный, Муми-тролль поднял банку и пошел домой, осторожно-преосторожно ступая, чтобы дракончик не разбился о стеклянные стенки

банки. Он ведь был такой ужасающе малюсенький и хрупкий.

— Я буду о тебе заботиться и любить тебя, — шептал Муми-тролль. — Ночью ты будешь спать на моей подушке. А когда вырастешь и полюбишь меня, мы вместе будем плавать в море...

Муми-папа трудился на своей табачной плантации. Ясное дело, можно было бы показать дракончика ему. «А может, все-таки не показывать?! Пока не показывать. Может, еще несколько дней держать дракончика только для себя, чтоб он привык ко мне?! И доверить эту тайну (а показать в ожидании той будущей счастливейшей минуты) Снусмумрику?!»

Муми-тролль, крепко прижав банку к груди и напустив на себя самый равнодушный вид, прошел к черной лестнице.

Все остальные обитатели Долины мумитроллей копошились где-то возле веранды. Но в тот самый миг, когда Мумитроль крадучись шмыгнул в дом, из-за бочки с водой высунулась Малышка Мю и с любопытством крикнула:

— Что у тебя там?

— Ничего, — ответил Мумитроль.

— Это банка, — сказала, вытянув шейку, Мю. — А что в банке? Почему ты ее прячешь?

Мумитроль ринулся на лестницу и вбежал в свою комнату. Он поставил банку на стол. Вода громко булькала, а дракончик, обхватив головку крыльшками, свернулся, точно мячик. Медленно выпрямившись, он оскалил зубки.

— Такое больше не повторится, — обещал Мумитроль. — Прости меня, славный мой!

Сдвинув крышку, чтобы дракончик мог как следует оглядеться, Мумитроль подошел к двери и запер ее на защелку. Никогда ведь не знаешь, что еще выкинет Мю!

Когда он вернулся обратно к дракончику, тот уже выполз из воды и сидел на краю банки. Мумитроль осторожно

протянул лапку, чтобы приласкать его. Тогда дракончик, разинув пасть, выпустил небольшое облачко дыма. Красный язычок, словно пламя, вырвался из его маленькой пасти и так же быстро спрятался.

— Ай! — воскликнул Муми-тролль, потому что обжегся. Не очень сильно, но все-таки обжегся.

Он все больше и больше восхищался драконом.

— Ты злой? — тихонько спросил он. — Ты ужасно плохой, страшный, кровожадный, беспощадный, да? О, ты славный, дорогой, маленький мой, мой, мой!

Дракончик фыркнул.

Муми-тролль залез под кровать и вытащил коробку, в которой хранил запасы на ночь. Там лежало несколько слегка засохших блинчиков, полбутерброда и яблоко. Муми-тролль разрезал все на маленькие кусочки и разложил их на столе вокруг дракона. Тот слегка все обнюхал, презрительно посмотрел на Муми-тролля и, с поразительной быстротой кинувшись к подоконнику, напал на большую, жирную августовскую муху.

Муха, перестав жужжать, стала вместо этого тихонько постанывать. Дракон, ухватив ее своими маленькими зелеными лапками, пустил ей в глаза облачко дыма. Потом хрустнул своими белыми зубами — книпс, кнапс, — пасть его раскрылась и закрылась, проглотив августовскую муху. Дракон облизал мордочку, почесал себя за ушком, уничтожающе поглядывая одним глазком на тролля.

— Чего только ты не умеешь! — воскликнул Муми-тролль. — О моя маленькая козявка, букашка, таракашка!

В тот же миг внизу мама ударила в гонг. Бум-бом! Настало время завтрака.

— А теперь, будь добренький, подожди меня, — попросил Муми-тролль. — Я вернусь как можно скорее.

Постояв, он еще с минуту мечтательно смотрел на дракона, который ничуть не желал, чтобы его ласкали, и, прошептав: «Дружочек», — быстро сбежал по лестнице и выскочил на веранду.

Мю, не успев зачерпнуть ложкой кашу, принялась за свое:

— А некоторые хранят тайны в известных мне банках.

— Заткнись! — сказал Муми-тролль.

— Можно подумать, — продолжала Мю, — что некоторые коллекционируют пиявок и мокриц или же — а почему бы и нет — громадных тысяченожек, которые размножаются сто раз в минуту.

— Знаешь, мама, — произнес Мумитроль, — если бы у меня появился какой-нибудь зверек, который привязался бы ко мне, то это был бы...

— Был — бы, дрыл — бы, грыл — бы, мрыл — бы, — передразнила его Мальшка Мю, пуская пузыри в стакане с молоком.

— Что? — спросил папа, отрываясь от газеты.

— Мумитроль нашел нового зверька, — пояснила мама. — Он кусается?

— Не очень больно, он слишком маленький, — пробормотал ее сын.

— А скоро он вырастет? — спросила Дочь Мюмлы. — Когда его можно увидеть? Умеет он говорить?

Муми-троль не ответил. Снова все испорчено. Ведь как должно бы быть: сначала у тебя появляется тайна, а потом ты преподносишь всем сюрприз. Но если живешь в семье, ничего не получается — ни тайны, ни сюрприза. Все всё знают с самого начала, так что никогда ничего веселого не получится.

— Я хочу спуститься к реке за кормом, — медленно и презрительно сказал Муми-троль. Так же презрительно, как это сделал бы дракончик. — Мама, скажи, чтобы никто не смел входить ко мне в комнату. За последствия не отвечаю.

— Хорошо, — сказала мама, взглянув на Мю. — Ни одна живая душа не смеет войти в его комнату.

Муми-троль с чувством собственного достоинства съел кашу. Потом спустился через сад к мосту.

Снусмумрик сидел у входа в палатку и рисовал пробковый поплавок. Муми-

троль посмотрел на него и снова порадовался в душе, что у него есть дракон.

— Ох-хо-хо! — сказал он. — Семья иногда жутко обременяет.

Снусмумрик, не вынимая трубку изо рта, что-то хрюкнул в знак согласия. Они молча посидели, согретые чувством мужской дружбы и взаимопонимания.

— Кстати, — вдруг сказал Муми-троль, — встречался ли тебе когда-нибудь во время твоих путешествий какой-нибудь дракон?

— Ты, конечно, не имеешь в виду ни саламандр, ни ящериц, ни крокодилов, — заметил после долгого молчания Снусмумрик. — Ты, конечно, имеешь в виду настоящего дракона. Нет, не встречал! Они все вымерли.

— А может, — медленно произнес Муми-троль, — может, один еще остался и кое-кто поймал его в стеклянную банку?

Подняв глаза, Снусмумрик пронизательно оглядел Муми-тролля и увидел, что тот чуть не лопается от восторга и ожидания. И Снусмумрик отрезал довольно холодно:

— Не думаю.

— Возможно, он не больше спичечного коробка и извергает пламя, — зевнув, продолжал Муми-тролль.

— Не может быть, — возразил Снусмумрик, который умел подыгрывать и знал, как надо подготовить сюрприз.

Его друг, подняв мордочку, сказал:

— Дракончик — из чистого золота, с крохотными-прекрохотными зелеными лапками. Он мог бы стать ужасно преданным и следовать за тобой по пятам. — И, подпрыгнув, Муми-тролль закричал: — Это я нашел его! Я нашел собственного маленького дракона!

Пока они поднимались к дому, Снусмумрик прошел все стадии недоверия, удивления и восхищения. Он был просто великолепен.

Они поднялись по лестнице и, осторожно отворив дверь, вошли в мансарду.

Банка с водой по-прежнему стояла на столе, но дракон исчез. Муми-тролль искал под кроватью, за комодом, он ползал повсюду, искал и звал:

— Дружочек мой... маленький мой хутти-хутти-хутти, мое славное крошечное зернышко...

— Посмотри-ка, — сказал Снусмумрик, — он сидит на занавеске.

Дракон и в самом деле сидел на карнизе под самым потолком.

— Как он туда попал?! — испуганно воскликнул Муми-тролль. — Подумать только, а что если он свалится... Не двигайся... Подожди немного... Ни слова...

Сорвав с кровати перину и подушки, он расстелил их на полу под окном. Затем,

взяв старый сачок хемуля, он поднес его прямо под нос дракона.

— Гоп-ля! — закричал он. — Цып, цып, цып! Теперь осторожно... Осторожно...

— Ты насмерть испугаешь его, — сказал Снусмумрик.

Дракончик разевал пасть и шипел. Вонзив зубки в сачок, он жужжал, как маленький мотор. И вдруг, взмахнув крыльшками, начал летать по комнате под самым потолком.

— Он летает, летает! — кричал Муми-тролль. — Мой дракон летает!

— Ясное дело! — сказал Снусмумрик. — Не прыгай так! Стой смирно!

Тут дракончик остановился как раз посредине потолка. Крыльшки его, точно у ночной бабочки, сильно вздрагивали. Вдруг он нырнул вниз и, куснув Мумитролля за ухо так, что тот закричал, улетел и уселся на плечо Снусмумрика. Тесно прижавшись к его уху, он начал тархтеть, закрыв глаза.

— Каков плутишка! — озадаченно произнес Снусмумрик. — Он совсем горячий. Что эта кроха делает?

— Он любит тебя, — сказал Мумитролль.

После обеда вернулась домой фрёкен Снорк, которая была в гостях у бабушки Мальшки Мю, и тотчас узнала, что Мумитролль поймал дракончика. Тот сидел

на столе рядом с кофейной чашкой Снусмумрика и облизывал лапки. Он искусал уже всех, кроме Снусмумрика. И всякий раз, когда дракончик злился, он прожигал где-нибудь дыру.

— Ужасно миленький! — восхитилась фрёкен Снорк. — Как его зовут?

— Ничего особенного, — пробормотал Муми-тролль. — Это всего-навсего дракон.

Лапка Муми-тролля осторожно двигалась по скатерти, пока не тронула одну из маленьких позолоченных ножек. Миг — и дракон взмыл ввысь, облетел веранду, зашипел и выдохнул небольшое облачко дыма.

— О, как мило! — воскликнула фрёкен Снорк.

Дракончик подлетел поближе к Снусмумрику и понюхал его трубку. На скатерти, там, где он сел, зазияла круглая коричневая дыра.

— Интересно, а может он прожечь дыру и в клеенке? — спросила Муми-мама.

— Непременно, — объяснила ей Малышка Мю. — Пусть он только чуть-чуть подрастет, и он сожжет весь наш дом. Вот увидите!

Она схватила кусок торта, а дракончик, тут же налетев на нее, как маленькая позолоченная фурия, укусил ее за лапку.

— Ах, черт! — заорала Мю и шлепнула дракона салфеткой.

— За такие слова ты не попадешь в рай!.. — мгновенно завела ее сестра, Дочь Мюмлы, но Муми-тролль, прервав ее, горячо воскликнул:

— Дракон не виноват! Он думал, что ты собираешься съесть муху, которая сидела на этом куске торта.

— Да ну тебя с твоим драконом! — закричала Мю, разозлившись по-настоящему. — И вообще он не твой, он — Снусмумрика, дракону нравится только он!

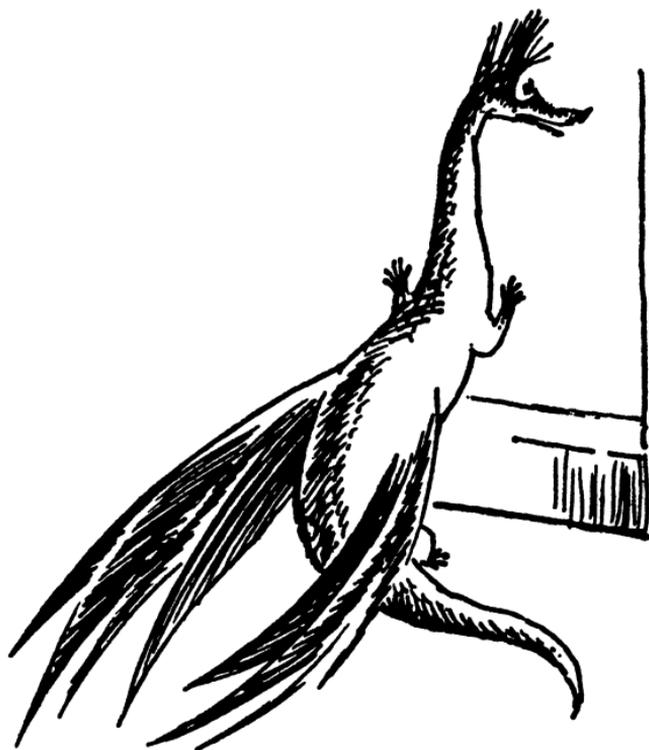
На мгновение наступила тишина.

— О чем болтает эта малявка? — произнес, поднявшись, Снусмумрик. — Еще немного времени, и дракон будет знать, кто его настоящий хозяин. А ну убирайся! Лети к своему хозяину!

Но дракончик, взлетев на его плечо, уцепился за него всеми шестью лапками и тархтел, как швейная машина. Снусмумрик взял крохотное чудовище в руки

и сунул его под грелку для кофейника. Потом, отворив застекленную дверь веранды, вышел в сад.

— Он ведь задохнется, — сказал Муми-тролль и чуть приподнял грелку.

Дракончик вылетел из-под грелки, как молния подлетел к окошку, сел и, не спуская глаз со Снусмумрика, прижался лапками к стеклу. Немного погодя он начал визжать, и позолота даже на самом

кончике его хвостика постепенно потускнела.

— Драконы, — неожиданно изрек папа, — исчезли из всеобщего сознания примерно семьдесят лет тому назад. Я отыскал их в энциклопедическом словаре. Вид, который сохранился дольше всех, — так называемый эмоциональный, то есть легко возбудимый, с ярко выраженной способностью к воспламенению. Эти драконы заметно упрямы и никогда не меняют своих намерений...

— Спасибо за кофе, — поднявшись, сказал Муми-тролль. — Я пойду к себе.

— Дорогой, а твой дракончик останется на веранде? — спросила мама. — Или ты возьмешь его с собой?

Муми-тролль не ответил ни слова.

Он отворил дверь. Когда дракон вылетел в сад, посыпались искры, и фрёкен Снорк воскликнула:

— Ой! Тебе никогда его больше не поймать! Зачем ты это сделал? Я не успела даже как следует разглядеть его.

— Можешь пойти к Снусмумрику и посмотреть, — процедил сквозь зубы Муми-тролль. — Дракон сидит у него на плече.

— Мой дорогой! — грустно сказала мама. — Мой маленький тролленок!

Только Снусмумрик успел вытащить удочку, как примчался дракон и опустился к нему на колени. Он прямо-таки извивался от восторга, что снова видит Снусмумрика.

— Зрелище для луны, — сказал Снусмумрик, прогоняя маленькое чудовище. — Брысь! Убирайся! Лети домой!

Но он, конечно, знал, что все это зря. Дракон все равно никуда не уберется. И насколько он знал, драконы могут жить до ста лет.

Снусмумрик огорченно смотрел на маленькое сверкающее создание, которое просто выбивалось из сил, только бы понравиться ему.

— Ясное дело, ты красивый, — сказал Снусмумрик. — И хорошо бы, ты остался со мной. Но понимаешь, Муми-троль...

Дракончик зевнул, взлетел на шляпу Снусмумрика, свернулся клубочком на ее изодранных полях и заснул. Снусмумрик, вздохнув, закинул рыболовную леску в реку. Новый поплавок, блестящий и ярко-красный, покачивался на воде.

Снусмумрик знал, что сегодня Мумитроллю не захочется удить рыбу. Морра* забери все эти напасти...

Время шло.

Дракончик вылетел на охоту за мухами и снова вернулся на шляпу — отдохнуть и поспать. Снусмумрик выгацил пять красноперых плотвичек и одного угря, которого снова отпустил, потому что тот ужасно трепыхался.

* См.: повесть-сказку «Папа и море». Морра — злобное, одинокое существо, там где она сидит, замерзает земля. Ее имя употребляется в ругательствах (Вместо, «черт возьми!», «Морра возьми!» и так далее).

К вечеру вниз по реке проплыла шляпка. У руля сидел довольно молодой хемуль.

— Клюет? — спросил он.

— Сносно, — ответил Снусмумрик. — Далеко плывешь?

— Довольно далеко, — сказал хемуль.

— Давай сюда чалку, получишь немного рыбы, — произнес Снусмумрик. — Завернешь красноперок в газетную бумагу и поджаришь их на решетке, на горячих углях. Так они будут вкуснее.

— А что ты хочешь взамен? — спросил хемуль, не привыкший получать подарки.

Засмеявшись, Снусмумрик снял с головы шляпу со спящим на ее полях дракончиком.

— Послушай-ка, — сказал он. — Отвези вот этого как можно дальше и выпусти в каком-нибудь уютном местечке, где много мух. Шляпу сверни так, чтобы она была похожа на гнездо, и положи ее лучше всего под каким-нибудь кустом, так чтобы дракона оставили в покое.

— Это дракон? — подозрительно спросил хемуль. — А он кусается? И часто надо его кормить?

Снусмумрик вошел в палатку и вернулся назад с кофейником. Сунув на дно кофейника немного травы, он осторожно положил туда спящего дракончика и, закрыв кофейник крышкой, сказал:

— Засовывай туда мух через носик, а иногда наливай капельку воды. Не обращай внимания, если кофейник станет горячим. Вот, бери-ка! Через несколько дней сделаешь, как я велел.

— Немало работы за пять плотвичек, — кисло произнес хемуль и потянул к себе чалку.

Течение подхватило шляпку.

— Не забудь, что я сказал тебе про шляпу, — крикнул Снусмумрик вслед хемулю. — У дракончика слабость к моей шляпе.

— Да, да, да, — ответил хемуль и исчез за излучиной реки.

«Дракон, верно, жутко искушает хемуля, — подумал Снусмумрик. — И по правде говоря, поделом ему».

Муми-троль не появлялся до самого захода солнца. Наконец он прошел мимо.

— Привет! — сказал Снусмумрик.

— Привет, привет! — ответил Муми-тролль. — Поймал какую-нибудь рыбу?

— Да так, немного. А ты не присядешь рядом со мной?

— Да нет! Я только проходил мимо, — пробормотал Муми-тролль.

Наступила тишина. Совсем новая и особенная тишина, стеснительная и неловкая. Наконец Муми-тролль спросил, ни к кому не обращаясь:

— Ну, светится он в темноте?

— Кто «он»?

— Ясное дело, дракончик. Я подумал: интересно ведь знать, светится ли такая кроха в темноте.

— Я, по правде, и не знаю, — сказал Снусмумрик. — Пойди домой и посмотри.

— Но я же его выпустил! — воскликнул Муми-тролль. — А он разве не прилетел к тебе?

— Нет, не прилетел, — ответил Снусмумрик и зажег трубку. — Эти крохотные дракончики делают все, что им взбредет в голову. То так, то эдак. А стоит им увидеть жирную муху — и они тут же забывают все, что знали и любили. Вот они какие, эти драконы. И ничего тут не поделаешь.

Муми-тролль долго молчал. Потом, усевшись в траве, сказал:

— Может, ты и прав. Хорошо, что он убрался отсюда. Да... Может, это самое правильное. Послушай-ка, этот новый поплавок... Он красивый, когда качается на воде, а? Красный!

— Да, ничего, — согласился Снусмумрик. — Я сделаю тебе такой же. Ты ведь спустишься завтра вниз ловить рыбу?

— Ясное дело, — ответил Муми-тролль. — А как же иначе!

ХЕМУЛЬ,
КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ
ТИШИНУ

Жил-был однажды некий хемуль. Он служил в Детском городке аттракционов, однако это вовсе не означало, что жилось ему ужасно весело. Он проверял билеты у посетителей «Луна-парка», для того чтобы они не могли повеселиться больше, чем полагается за один раз, а уж одно это может сделать тебя несчастным, особенно если вынужден заниматься таким делом всю свою жизнь.

Хемуль все пробивал и пробивал дырочки в билетах, а сам между тем мечтал о том, что он будет делать, когда наконец-то выйдет на пенсию.

Если кто-то не знает, что такое «выйти на пенсию», то можно пояснить, что это значит: делать в тишине и спокойствии лишь то, что тебе хочется, но только для

этого надо стать достаточно старым. По крайней мере, родственники Хемуля объяснили это так.

У него была ужасно большая родня — целая куча больших, шумных, болтливых хемулей, которые обожали колотить друг друга по спине и при этом громко хохотать.

Парком и аттракционами они владели совместно, ну а помимо этого — играли на тромбоне, метали молот, рассказывали смешные истории и обычно пугали народ. Но при всем этом они ничего дурного не имели в виду.

У одного только Хемуля не было никакой собственности, поскольку он был родственником «по боковой линии», то есть не наверняка, и, поскольку он был скромным и никогда не мог отказаться, ему и поручили присматривать за детишками, качать ручные мехи карусели и, помимо всего прочего, проверять билеты.

— Раз ты одинокий и тебе нечего делать, — дружелюбно говорили ему другие хемули, — это тебя чуточку подбодрит, ты немного нам поможешь и к тому же все время будешь на людях.

— Но я совсем не одинокий, — пытался возражать Хемуль. — Я просто не

успеваю им быть. Уж слишком их много — тех, которые хотят меня подбодрить. Простите, но мне бы так хотелось...

— Прекрасно, — перебивали его хемули. — Все идет как надо. Никакого одиночества и всегда в движении.

И Хемуль опять проверял билеты и мечтал о чудесном, большом, молчаливом одиночестве и надеялся, что ему удастся состариться как можно скорее.

Карусели вертелись, и трубы трубили, и все нафсы, хомсы и мюмлы весело кричали, катаясь каждый вечер на Американских горах. Дронт Эдвард* вышел на первое место по битью фарфоровой посуды. Одним словом, вокруг мечтательного, печального Хемуля плясали, горланили, ссорились, ели и пили, и постепенно Хемуль стал бояться всех, кто веселился и шумел.

Днем он спал в светлой и уютной детской комнатке хемулей, а по ночам, когда малыши просыпались и плакали, он успокаивал их, играя на шарманке.

Мало-помалу он стал помогать всем без исключения детям, нуждавшимся в его помощи в доме, полном хемулей, и целый

* См.: Туве Янссон. Мемуары папы Муми-тролля.

день составлял кому-нибудь компанию. Все вокруг пребывали в прекрасном настроении и рассказывали ему обо всем,

что они думали, о чем мечтали или что собирались делать. Но его ответов никто никогда не слушал.

— Интересно, когда же я наконец состарюсь? — спросил однажды Хемуль, когда все семейство собралось за обедом.

— Состаришься? Ты? — весело закричал его дядя. — Еще не скоро. Да ты не переживай! Тебе столько лет, насколько ты себя чувствуешь.

— Но я-то как раз чувствую себя ужасно старым, — сказал Хемуль с надеждой в голосе.

— Так, так, — забормотал дядя Хемуля. — Вечером срочно устраиваем фейерверк для поднятия настроения, а потом оркестр роговых инструментов будет играть до самого восхода солнца.

Но фейерверк не состоялся, так как внезапно полил дождь и шел всю ночь, и весь следующий день, и всю неделю.

Ну а говоря по правде, дождь лил восемь недель подряд, и никто никогда не слыхивал о чем-либо подобном.

«Луна-парк» потерял краски и увял совсем как цветок. Он съежился, потускнел, проржавел, уменьшился в размерах и, что хуже всего, мало-помалу отправился в путь, так как постройки его были возведены на песке.

Аттракцион Американские горы, жалобно вздохнув, покосился и осел; карусели закружились в больших серых лужах и медленно поплыли вниз по течению новых, прорытых дождем речек.

Все малыши — кнютты, скротты, хомсы и мюмлы и все другие, как бы они ни назывались, — приплюснули свои мордочки

к стеклу и глядели, как вместе с дождем уносится от них июль, а вместе с ним разноцветье и музыка.

Комната зеркал распалась на миллион осколков, намокшие бумажные розы из Домика чудес уплывали прочь по полям. И по всей округе слышался плач и жалобы малышей.

Они доводили своих пап и мам до отчаяния тем, что не могли найти себе ни-

какого занятия, а только без конца горевали об утраченном Детском городке.

В ветках деревьев запутались флажки и лопнувшие воздушные шары, Домик чудес был забит тиной, и Трехголовый крокодил покинул его и уплыл в море. Правда, две головы он оставил на месте, поскольку они были приклеены клеем.

Только хемулям было очень весело. Они стояли у своих окошек и хохотали, указывали на что-нибудь интересное, колотили друг друга по спине и время от времени кричали:

— Смотри-ка! Вон плывет ширма из Аравийской Тайны! А вон там — танцплощадка. А под крышей дома Фили-

фьонки висят пять летучих мышей из Пещеры ужасов! Ну разве не забавно?!

В прекрасном расположении духа, хемули решили вместо «Луна-парка» соорудить каток — разумеется, когда вода превратится в лед, — и утешали Хемуля тем, что там ему снова придется проверять билеты.

— Никогда! — неожиданно сказал Хемуль. — Нет, нет, нет. Ни за что. Я выхожу на пенсию. Теперь я хочу пожить в свое удовольствие и совсем один, в полной тишине.

— Но, дорогой мой! — произнес его племянник, который был порядком удивлен. — Ты имеешь в виду...

— Вот именно, — быстро перебил его Хемуль. — Я имею в виду то, что сказал.

— Но почему же ты никогда не говорил нам об этом раньше? — стали спрашивать озадаченные родственники. — А мы-то думали — ты всем доволен.

— Я просто не смел, — признался Хемуль.

Тогда они снова захохотали; они думали про себя: это ужас как смешно, что Хемуль всю жизнь занимался тем, к чему он не имел ни малейшего желания, и только потому, что стеснялся об этом сказать!

— Но тогда хоть скажи, чего же тебе хочется на самом деле? — ласково спросила его тетя.

— Я хотел бы построить Кукольный дом, — смущенно прошептал Хемуль. — Самый красивый в мире Дом для кукол, на много этажей. Настоящий дом со множеством комнаток — и все такие серьезные, пустые и тихие.

Услышав это, хемули так расхохотались, что им даже пришлось сесть на пол. Они толкали друг друга в бок и кричали:

— Кукольный дом! Нет, вы слышали? Он сказал: Кукольный дом!

И они опять хохотали до упаду и говорили:

— Милый наш, поступай так, как тебе хочется. Мы дарим тебе старый Бабушкин парк, и там отныне будет царить мертвая тишина. Ты сможешь там спокойно трудиться и играть в любые игры. Желаем тебе удачи и всяких радостей!

— Спасибо, — сказал Хемуль, но его сердце мучительно сжалось. — Я всегда знал, что вы желаете мне только добра.

Мечта о Кукольном доме со спокойными красивыми комнатками вдруг исчезла: своим смехом хемули ее попросту

уничтожили. Но по правде говоря, их нельзя было в этом винить. И они бы искренне огорчились, если бы кто-нибудь сказал им, что они чем-то обидели Хемуля. Просто это очень опасно — говорить кому-то о своих самых сокровенных мечтах.

Хемуль побрел в старый Бабушкин парк, который теперь принадлежал только ему. У него даже был с собой ключ.

Парк стоял пустой, с запертыми воротами, с тех самых пор как во времена фей загорелся Бабушкин дом и всему семейству пришлось оттуда перебраться в другое место.

Это было очень давно, и Хемуль с трудом разыскал туда дорогу.

Деревья сильно выросли, а дорожки были залиты водой. Пока он шел лесом, дождь закончился так же неожиданно, как и начался восемь недель тому назад. Но Хемуль этого не замечал. Он был целиком погружен в мысли о своей утраченной мечте и горевал, что больше не хочет строить Кукольный дом.

Вдруг между деревьями мелькнула каменная стена. Она разрушилась в нескольких местах, но все-таки была еще достаточно высокой. Железная решетка на

калитке проржавела, и замок было трудно открыть.

Хемуль вошел и запер за собой калитку. И вдруг он забыл о Кукольном доме. Ведь сейчас он первый раз в своей жизни отпер собственную дверь и закрыл ее за собой. Наконец-то он у себя дома. А не у кого-нибудь там еще.

Постепенно тучи рассеялись, и выглянуло солнышко. Влажный парк дышал и искрился вокруг него. Он стал юным и беззаботным. В парке давно уже никто не убирал и не обрезал деревья. Ветви клонились до самой земли, кусты карабкались на деревья в веселом азарте, внизу среди зелени журчали ручейки, канавки для которых велела прорыть в свое время еще бабушка. Ручьи теперь уже не служили для полива растений, а существовали сами по себе, но многие из маленьких мостиков над ними еще сохранились, хотя сами дорожки уже давно исчезли. Хемуль погрузился в эту зеленую ласковую тишину, он купался в ней и чувствовал себя моложе, чем когда-нибудь был на самом деле.

«О, как это прекрасно — наконец стать старым и выйти на пенсию! — думал он. — О, как я люблю своих родственников. Осо-

бенно теперь, когда могу о них больше не думать!»

Он бродил по высокой блестящей траве, доходившей ему до колен, он обнимал деревья и наконец уснул на солнышке на полянке посреди парка. Там раньше и был Бабушкин дом. Теперь здесь не устраивали грандиозных фейерверков. В развалинах дома поднялись молодые деревца, и как раз на месте бывшей бабушкиной спальни рос огромный куст шиповника, усыпанный тысячей красных плодов.

Ночь принесла с собой россыпь ярких звезд, и Хемуль еще больше полюбил свой парк. Он был большой и таинственный, в нем можно было заблудиться, но это не страшило Хемуля — ведь он был у себя дома.

Он без конца бродил по тропинкам.

Вскоре он обнаружил в парке старый фруктовый сад, где на земле под деревьями валялось множество яблок и груш, и подумал мимоходом: «Как жаль. Мне и половины не съесть. Надо бы...»

И тут он забыл, о чем собирался подумать, и опять застыл, зачарованный одиночеством и тишиной.

Ему одному принадлежал лунный свет между деревьями, он влюблялся в самые прекрасные деревья, он сплетал венки из листьев и обвивал их вокруг шеи, он не в силах был заснуть в эту первую ночь.

А утром зазвенел старый колокольчик, который все еще висел у ворот. Хемуль забеспокоился: «Кто-то хочет войти сюда, и ему что-то нужно, он чего-то хочет от меня». Хемуль тут же осторожненько отполз в кусты, росшие вдоль каменной ограды, и затаился. Колокольчик зазвенел снова. Тогда Хемуль вытянул шею и увидел совсем маленького хомсу, который ждал у калитки.

— Уходи отсюда! — в испуге закричал Хемуль. — Это частное владение. Я здесь живу.

— Я знаю, — ответил мальш. — Просто хемули послали меня принести тебе обед.

— Ах вот как! Это очень мило с их стороны, — успокоившись, произнес Хемуль. Он отпер калитку, чуть-чуть приоткрыл ее и принял корзинку с едой через щель. Хомса все стоял и смотрел, и на минуту воцарилось молчание.

— Ну, как вы там поживаете? — нетерпеливо спросил Хемуль. Он стоял,

переминаясь с ноги на ногу, и мечтал поскорее вернуться в парк.

— Плохо, — откровенно ответил Хомса. — Нам всем очень плохо. Нам, малышам. У нас теперь больше нет Детского городка, и мы только и делаем, что горюем.

— Угу, — сказал Хемуль и уставился в землю. Ему не хотелось принуждать себя думать о чем-то печальном, но он так привык выслушивать других, что просто не мог уйти.

— Ты, верно, тоже горюешь, — сочувственно сказал Хомса. — Ведь ты обычно проверял билеты. Но если кто-то был уж совсем маленький, оборванный и грязный, ты делал вид, что проверяешь билеты. Или позволял нам два или даже три раза проходить по одному билету!

— Ну-ну, — смущенно произнес Хемуль. — Это случалось просто потому, что я плохо вижу. Ну вот, а теперь, может быть, ты пойдешь домой?

Хомса кивнул, но все-таки остался. Он подошел вплотную к железной решетке и просунул мордочку между прутьями.

— Дяденька, — прошептал он, — у нас есть секрет.

Хемуль сделал испуганный жест — он не любил чужих тайн. Но Хомса уже взволнованно продолжал:

— Нам почти все удалось спасти. И мы спрятали это в сарае у Филифьонки. Ты даже не представляешь себе, сколько нам пришлось потрудиться, — все спасали и спасали, по ночам мы незаметно выбирались из дома и вместе вытаскивали из воды и снимали с деревьев — и сушили, и чинили, и делали, по возможности, все таким же прекрасным, как раньше.

— Что ты имеешь в виду? — озадаченно спросил Хемуль.

— «Луна-парк», разумеется, — почти закричал Хомса. — Нам удалось собрать все обломки, которые еще не уплыли в море. Верно, здорово? Возможно, хемули соберут все снова, и тогда ты опять сможешь проверять билеты.

— Ах вот как! — пробормотал Хемуль и поставил корзинку с едой на землю.

— Правда, хорошо?! Ну и здорово же ты удивился, — засмеялся Хомса, помаhal рукой и исчез.

На следующий день с раннего утра Хемуль уже стоял у ворот и боязливо ждал.

Как только Хомса появился у калитки с корзинкой в руках, Хемуль тут же закричал:

— Ну? Как там?

— Они не хотят, — сокрушенно вымолвил Хомса. — Вместо «Луна-парка» они хотят теперь сделать каток. А многие из нас впадут в зимнюю спячку, да и кто даст нам коньки?

— Как грустно! — с облегчением воскликнул Хемуль.

Хомса ничего не ответил, он был слишком разочарован. Только поставил корзинку с едой на землю и ушел.

«Бедное дитя, — подумал Хемуль. — Да, да».

А потом его мысли переключились на другую тему, и он стал тут же размышлять о хижине из листьев, которую соби-

рался строить на месте развалин Бабушкиного дома.

Хемуль строил целый день и заметно повеселел. Он возился до самой темноты, когда ничего уже нельзя было разглядеть, и лишь тогда уснул, счастливый и утомленный, и спал очень долго все следующее утро.

Когда он подошел к калитке, чтобы забрать еду, Хомса был уже там. На крышке корзинки Хемуль обнаружил еще письмо с подписями множества малышей.

«Дорогой Луна-парковый дяденька, — прочел Хемуль. — У тебя теперь есть все, и ты можешь быть милым, и мы сможем прийти и поиграть с тобой, потому что мы тебя любим».

Хемуль ничего не понял, но ужасное подозрение стало уже закрадываться в его сердце.

И тут он увидел: у самой калитки малыши разложили то, что им удалось собрать из остатков «Луна-парка». А было этого немало. Большая часть аттракционов была разломана или собрана совершенно неправильно, все выглядело очень странно, словно утратив свой смысл. Погибший, но пестрый мир из бумаги, дерева, шелка, стальной проволоки, проржавевшего железа

уныло и выжидающе смотрел на Хемуля, и тот в панике тоже смотрел на него.

Потом Хемуль не выдержал, убежал в парк и продолжал строить свою хижину отшельника.

Он строил и строил, но все как-то не ладилось. Хемуль работал нетерпеливо, мысли его блуждали. Внезапно обрушилась только что возведенная крыша, и все строение оказалось приплюснутым к земле.

— Нет, — произнес Хемуль. — Не хочу. Я только недавно научился говорить «нет». Я уже на пенсии. И делаю теперь то, что хочу. И ничего другого.

Он повторил это несколько раз, с каждым разом все более грозно. Потом под-

нялся, прошел парком, открыл калитку и стал втаскивать весь этот надоевший ему хлам.

Мальши облепили всю высокую каменную стену парка Хемуля. Совсем как серые воробьишки, только совершенно молчаливые.

Иногда кто-нибудь из них шептал:

— А теперь что он делает?

— Тсс, — говорил другой. — Он не желает разговаривать.

Сначала Хемуль развесил на деревьях цветные фонарики и бумажные розы, повернув их так, чтобы не было видно дыр и обрывков. Потом занялся тем, что когда-то называлось Каруселью. Ничего не клеилось — половины частей не хватало.

— Ничего не получается! — сердито крикнул он. — Вы только посмотрите! Все это хлам и мусор. Нет, нет! Вам никто не позволял слезать со стены и мне помогать!

Гул одобрения и сочувствия докатился до Хемуля, хотя никто не сказал ни слова.

Теперь Хемуль попытался превратить Карусель в свой дом. Лошадей он снял и поставил на траву, а лебедей пустил плавать в ручей, остальное перевернул и

трудился так усердно, что волосы у него встали дыбом.

«Кукольный дом, — думал он с горечью. — Хижина отшельника. Все кончилось грудой мусора и криком, как это было всю мою жизнь...»

Потом он посмотрел вверх и закричал: — Хватит там сидеть и глазеть! Бегите к хемулям и передайте им, что завтра мне обед не понадобится. Вместо него пусть пришлют мне молоток, гвозди, свечи, веревки и двухдюймовые доски, да только побыстрее.

Мальши восхищенно засмеялись и отправились в путь.

— Ну, что мы говорили! — закричали хемули и стали похлопывать друг друга

по спине. — Ему стало скучно, и бедняга загрустил о своем «Луна-парке»!

И они послали ему всего вдвое больше, чем он просил, и, кроме того, еды на неделю, и десять метров красивого бархата, а также много-много золотой и серебряной бумаги в длинных рулонах и совсем уж на всякий случай — шарманку.

— Ну уж нет, — сказал Хемуль. — Этот ящик с музыкой мне ни к чему! Ничего шумного!

— Ясное дело, — послушно сказали малыши и остались стоять за воротами вместе с шарманкой.

И пока Хемуль занимался починкой старых аттракционов и устройством новых, ему в голову пришла мысль, что это довольно весело. На деревьях блестили и качались на ветру тысячи осколков зеркал. Наверху, у самых вершин деревьев, Хемуль прикрепил маленькие скамеечки и соорудил мягкие гнездышки, где можно было спокойно посидеть и выпить фруктового сока так, чтобы тебя никто не видел, или поспать. А на самых больших ветках Хемуль подвесил качели.

Американские горы привести в порядок оказалось трудно. Теперь горы стали в три

раза меньше, чем раньше, потому что от них осталось совсем немного. Но Хемуль утешал себя тем, что больше уже никто не будет, катаясь на них, кричать от страха. И теперь, спускаясь вниз, малыши просто падали в ручей, и многим это нравилось.

Хемуль пыхтел и бурчал. Стоило ему приподнять одну половину аттракциона, как тут же обрушивалась вторая, и в конце концов он сердито закричал:

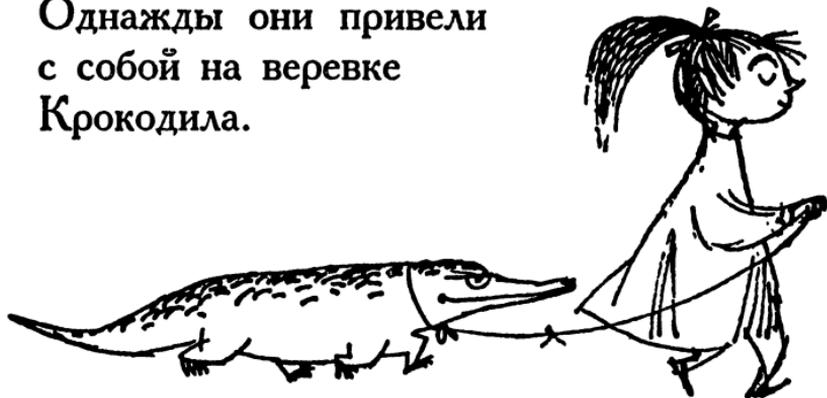
— Идите сюда и помогите кто-нибудь! Ведь это совершенно невозможно делать за раз десяток дел.

Малыши посыпались с ограды и бросились на помощь Хемулю.

С тех пор они уже все делали вместе, и хемули посылали им столько еды, что крошки могли оставаться в парке целый день.

Вечером они возвращались к себе домой, а наутро с восходом солнца уже стояли и ждали у ворот парка.

Однажды они привели с собой на веревке Крокодила.

— А вы уверены, что он не будет болтать? — недоверчиво спросил Хемуль.

— Абсолютно, — сказал Хомса. — Он не произнесет ни слова. Он стал теперь такой довольный и тихий, с тех пор как расстался с остальными двумя головами.

А однажды сын Филифьонки нашел в камине удава. Поскольку змей был очень

милый, его немедленно отправили в Бабушкин парк.

По всей округе для Хемуля собирали диковинные вещи, а иногда ему просто присылали пирожные, карамельки, кастрюли, занавески и все, что только можно придумать. Это уже стало манией — присылать по утрам подарки с малышами, и Хемуль принимал все, за исключением того, что шумит.

Но, кроме малышей, в парк никто не имел права входить.

А парк приобретал все более и более фантастический вид. В самом центре его стоял дом из Карусели — там жил сам Хемуль. Дом был пестрый, покосившийся и больше всего напоминал мешочек из-под карамелек, который кто-то смял и выбросил в траву.

А в середине бывшей Карусели рос шиповник со своими красными плодами.

И вот наконец в один прекрасный вечер все было готово. Больше ничего нельзя было добавить, и Хемуля на мгновение охватила грусть, оттого что работа уже завершена.

Хемуль и малыши зажгли фонари, а потом стояли и разглядывали дело лап своих.

Среди больших темных деревьев таинственно поблескивали золотые и серебряные зеркальные стеклышки, все застыло в ожидании — пруды, кораблики, горки для катания, ларек с фруктовыми соками, качели, аттракционы, а также деревья, по которым можно было лазить, яблони и груши, с которых можно было срывать плоды...

— Запускайте! — скомандовал Хемуль. — Но помните, что это не Парк с аттракционами, а Парк тишины.

Мальши тут же беззвучно растворились в парке, все так же очарованные, как и во время строительства. Только Хомса обернулся и спросил:

— А тебе не будет скучно оттого, что не надо проверять билеты?

— Да нет, — ответил Хемуль. — Все равно я бы делал вид, что проверяю.

Он пошел в свой дом и зажег луну из бывшего Дома чудес. Потом улегся в гамак Филифьонки и стал сквозь дыру в крыше дома смотреть на звезды.

За стенами дома все было тихо. Он слышал только журчание ручейков и шелест ночного ветра.

И вдруг Хемуль встревожился. Он встал и прислушался. Ни звука.

«Ну а вдруг им невесело, — озабоченно подумал он. — Может, они вообще не могут веселиться, если не накричатся до одурения... А может, они ушли домой!»

Он вскочил на комод, подаренный ему Гафсой, и высунул голову из дыры в крыше. Да, они здесь. Весь парк гудел, в нем бурлила таинственная и восхитительная жизнь. Плеск, приглушенное хихиканье, легкие шлепки, шелест осторожных шагов. Им было весело.

«Завтра, — думал Хемуль, — завтра я скажу им, что они могут смеяться, может, даже вполголоса напевать, если очень захочется. Но не более того. Никак не более».

Он спустился вниз с комода и опять улегся в гамак. И довольно быстро уснул, ни о чем больше не беспокоясь.

Перед запертыми воротами стоял дядя Хемуля и пытался заглянуть в парк.

«Не похоже, что им там очень весело, — подумал он. — Но с другой стороны, никогда не бывает веселее, чем ты сам хочешь. А мой бедный родственник всегда был чудаковат».

А шарманку дядя Хемуля унес домой, потому что всегда любил музыку.

ДУТЯ-НЕЗУДУМКА

Был темный и дождливый вечер. Все сидели на веранде за столом и чистили грибы. Весь стол был накрыт газетами, а посередине горела керосиновая лампа. Углы же веранды утопали в темноте.

— Мю снова набрала рыжиков, — сказал папа. — В прошлом году она собирала одни мухоморы.

— Будем надеяться, что в будущем году это будут лисички, — добавила мама, — или хотя бы сыроежки.

— Век живи, век надейся, — заметила, тихонько посмеиваясь, Малышка Мю.

Они продолжали чистить грибы. На веранде царила мирная тишина. Внезапно кто-то негромко постучал в окошко, и на

веранде, стряхивая с плаща капли воды, неожиданно появилась Туу-тикки*. Придерживая дверь, она позвала кого-то из дождевой мглы:

— Заходи, заходи!

— Кого ты привела? — спросил Му-ми-троль.

— Нинни, — ответила Туу-тикки. — Малютку зовут Нинни.

Она по-прежнему ждала, придерживая дверь. Никто не входил.

* См.: Туве Янссон. Волшебная зима.

— Ну ладно! — пожимая плечами, сказала Туу-тикки. — Пусть сидит в саду, раз она такая стеснительная.

— А она не промокнет? — спросила Муми-мама.

— Наверное, это не важно, если она все равно невидимка, — ответила Туу-тикки и, пройдя на веранду, села на стул.

Все перестали чистить грибы и ждали, пока она объяснит свои слова.

— Вы ведь знаете, как легко стать невидимкой, если тебя часто пугают, — сказала Туу-тикки и съела гриб-дождевик, похожий на маленький хорошенький снежок. — Ну ладно. Эту Нинни по глупости испугала тетенька, которая взяла малютку на свое попечение, хотя и не любила ее. Я встретила эту тетю, она ужасная. Понимаете, она совсем не злая, такое еще можно было бы понять, а просто холодная как лед и ироничная.

— Что такое «ироничная»? — спросил Муми-тролль.

— Представь себе, что ты поскользнулся на грибок на полу и уселся прямо в кучу очищенных грибов, — стала объяснять ему Туу-тикки. — А твоя мама,

вместо того чтобы рассердиться (это было бы понятно), сказала бы холодно и злобно: «Ясно, по-твоему, это означает танцевать. Но я была бы тебе очень признательна, если бы ты оставил в покое грибы, которые идут в пищу». Ну вот, что-нибудь в этом роде.

— Тьфу, как противно! — произнес Муми-тролль.

— Не правда ли? — подхватила Туу-тикки. — А эта тетка именно так и говорила. Она иронизировала с утра до вечера, а кончилось тем, что малютка начала бледнеть, бледнеть и стала невидимкой. В прошлую пятницу ее уже вообще не было видно. Тетка отдала ее мне. Заявила, что она фактически не в состоянии заботиться о родственниках, которых даже увидеть не может.

— А что ты сделала с этой теткой? — удивленно глядя на Туу-тикки, спросила Мю. — Ты хоть поколотила ее как следует?

— Не имеет смысла колотить тех, кто иронизирует, — ответила Туу-тикки. — Я взяла Нинни к себе домой, а теперь привела сюда, чтобы вы помогли ей и она перестала бы быть невидимкой.

Все ненадолго замолчали.

Только дождь барабанил по крыше веранды. Не отрывая глаз от Туу-тикки, все о чем-то думали.

— А она разговаривает? — спросил папа.

— Нет, но тетка надела ей на шею колокольчик, чтобы знать, где она.

Туу-тикки поднялась и снова открыла дверь.

— Нинни! — крикнула она в темноту.

Прохладный свежий запах осени ворвался на веранду, а треугольник света упал на траву. Немного погодя за дверью нерешительно зазвенел колокольчик — звук поднялся на крыльцо и смолк. Чуть повыше пола на черной ленточке висел маленький серебряный колокольчик. У Нинни, должно быть, была очень тоненькая шейка.

— Ага! — сказала Туу-тикки. — Вот твоя новая семья. Они иногда чуть дурашливые, но в общем довольно милые.

— Дайте малютке стул, — велел папа. — Она умеет чистить грибы?

— Я ничего не знаю о Нинни, — заверила его Туу-тикки. — Я только привела ее сюда. Теперь у меня другие дела. Загляните ко мне на днях и расскажите, как тут у вас. Пока, привет!

Когда Туу-тикки ушла, на веранде воцарилась полная тишина: все семейство не отрывая глаз смотрело на пустой стул и серебряный колокольчик. Немного погодя одна из лисичек медленно поднялась в воздух. Невидимые лапки очистили ее от хвои и земли, а потом грибок, разрезанный на мелкие части, поплыл в ми-

сочку. Новый грибок заколыхался в воздухе.

— Здорово! — сказала восхищенно Мю. — Попробуйте дать ей что-нибудь поесть. Интересно, видно, как еда спускается к ней в животик?

— А вы можете придумать, как сделать, чтобы она перестала быть невидимой? — озабоченно воскликнул папа. — Может, надо пойти к доктору?

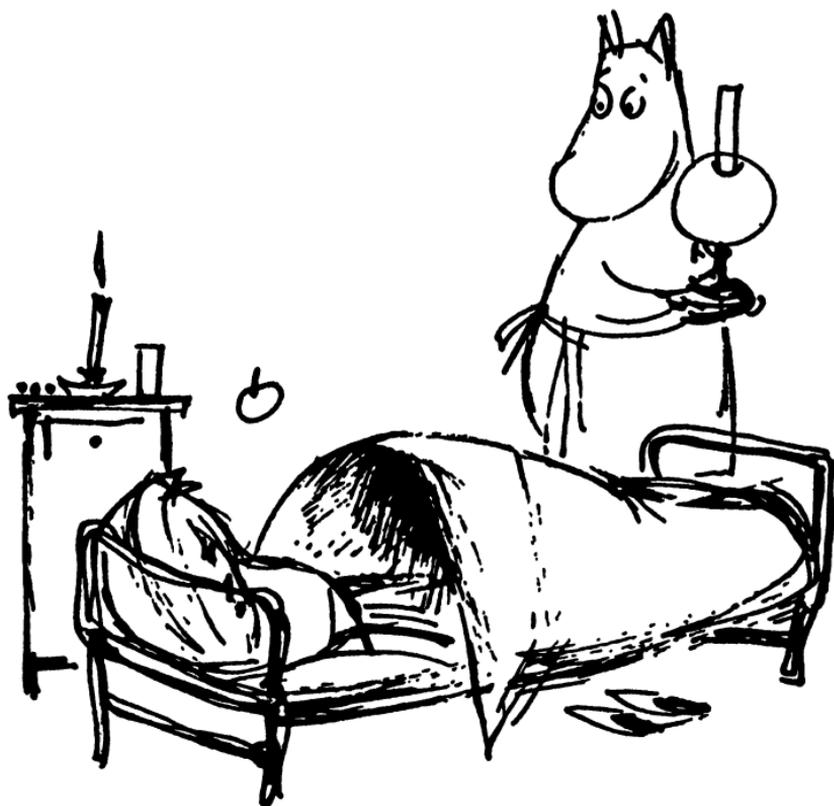
— А зачем? — ответила мама. — Может, ей нравится быть немножко невидимкой. Туу-тикки сказала, что она застенчивая. По-моему, лучше всего оставить дитя в покое, пока мы не придумаем средства получше.

Так они и сделали.

Мама постелила Нинни в восточной мансарде, где как раз никто не жил. Серебряный колокольчик прозвучал вслед за шажками невидимки вверх по лестнице, напомнив маме о кошке, которая когда-то жила у них. Рядом с кроватью, на тумбочке, мама выстроила в ряд яблоко, стакан с соком и три полосатые карамельки, которые поровну делили на всех по вечерам. Потом она зажгла свечу и сказала:

— Теперь, Нинни, спи. Спи вволю, столько, сколько сможешь. Я утром оставлю кофе под грелкой, так что он будет теплым. А если ты, Нинни, испугаешься или чего-нибудь захочешь, нужно только спуститься вниз и позвонить в колокольчик.

Мама увидела, как одеяло поднялось и накрыло какой-то очень маленький холмик, а в перине была ямка. Мама спустилась к себе вниз, отыскала и вытащила

из ящика старинные бабушкины заметки о Безошибочных домашних средствах лечения. От дурного глаза. От хандры. От простуды. Нет, все не то! Мама листала тетрадь и искала. Напоследок она нашла в самом конце запись, сделанную, когда бабушкина рука уже стала дрожать, а почерк совсем изменился: «Если очертания какого-либо из ваших знакомых начинают расплываться, как в тумане, и их уже трудно разглядеть...» Ну вот! Наконец-то! Вот спасибо! Мама прочитала довольно сложный рецепт. И тут же принялась готовить Безошибочное домашнее средство для лечения Нинни.

Колокольчик, звеня, спускался вниз по лестнице: один шагок в минуту и маленький перерыв перед следующим. Мумитроль все утро ждал этих шажков. Но самое интересное сегодня был вовсе не серебряный колокольчик. Самое интересное были лапки. Лапки Нинни, которые шагали вниз по лестнице, очень маленькие лапки с боязливymi крошечными пальчиками, тесно прижавшимися друг к другу. Видны были одни только лапки, и это было ужасно.

Спрятавшись за печкой, Муми-троль заворуженно уставился на эти лапки, которые уже вышли на веранду. Нинни пила кофе. Чашка поднималась и опускалась. Нинни ела бутерброды с джемом. Чашка одиноко проплыла на кухню, где ее вымыли и поставили в шкаф. Нинни была очень аккуратной малышкой.

Муми-троль ринулся в сад и закричал:

— Мама! У нее появились лапки! А теперь лапки видны еще больше!

«Охотно верю, — подумала мама, сидевшая на верхушке яблони. — Бабушка была мастерицей своего дела, да. Хорошо, что я придумала подмешать Безошибочное домашнее средство еще и в кофе Нинни».

— Отлично! — сказал папа. — А еще лучше будет, когда она предъявит нам свою мордашку. Почему-то меня очень удручает, когда приходится беседовать с личностями, которых не видно. И которые тебе не отвечают.

— Тссс! — предостерегла его мама.

Лапки Нинни виднелись в траве между опавшими яблоками.

— Привет, Нинни! — крикнула Мю. — Ты спала, как свинушка! Когда

ты предъявишь нам свою мордочку?!
Должно быть, пяточок у тебя жутковатый, раз тебе пришлось сделаться невидимкой!

— Тише ты, — прошептал Мумитроль. — Она обидится.

Подойдя к Нинни, он заискивающе произнес:

— Не обращай внимания на Мю! Она страшная грубиянка. У нас ты в полной безопасности. И вовсе незачем тебе думать об этой ужасной тетке. Она не сможет прийти к нам и утащить тебя...

В тот же миг лапки Нинни побледнели, и их едва можно было разглядеть в траве.

— Дорогой мой, ты осленок! — рассерженно сказала мама. — Уж ты-то можешь понять: нечего напоминать ребенку о такой беде. Собирай лучше яблоки и не городи чепуху.

Все стали собирать яблоки.

Лапки Нинни снова мало-помалу приобрели свои очертания и полезли на дерево.

Стояло прекрасное осеннее утро, мордочка в тени чуть замерзала, но на солнце

было тепло почти как летом. После ночного дождя все вокруг было мокрое и отливало яркими, сверкающими красками. Когда все яблоки собрали (или стряхнули с дерева), папа вынес в сад самую большую соковыжималку, и все стали готовить яблочное пюре.

Муми-троль вертел ручку, мама клала яблоки в соковыжималку, а папа носил банки с пюре на веранду. Малышка Мю сидела на верхушке дерева и распевала Великую яблочную песню.

Вдруг раздался звон стекла.

Бац! И посреди садовой дорожки уже лежит высокая горка пюре, ошестинившаяся осколками стекла. А рядом с горкой мелькнули лапки Нинни, которые быстро побледнели и исчезли.

— Вон оно что! — произнесла мама. — Это та самая банка, которую мы всегда отдаем шмелям. А теперь нам не придется тащить ее на луг. И бабушка моя всегда говорила, что если уж земле приходится выращивать плоды, то в конце осени надо сделать ей ответный подарок.

Лапки Нинни вернулись назад, над ними уже торчала пара худеньких коленок.

Над коленками смутно мелькал подол коричневого платица.

— Я вижу ее ножки! — закричал Муми-тролль.

— Поздравляю! — сказала Мальшка Мю, выглядывая с верхушки яблони. — Все наладится. Но почему она ходит в таком табачно-коричневом платье, одна Морра знает.

Мама, кивнув головой самой себе, подумала о своей мудрой бабушке и о ее лечении Безошибочными домашними средствами.

Нинни едва слышными шагами кралась за муми-троллями целый день. Они обрачивались при звуках колокольчика, следовавшего за ними по пятам, и Нинни уже не казалась им такой чудной.

Вечером они почти забыли про нее. Но когда все легли спать, мама вытащила из своего сундука пунцовую шаль и стала шить из нее маленькое платьице. Когда платьице было готово, мама отнесла его в восточную мансарду, где свет был уже погашен, и осторожно повесила на стул. А потом подшила кусок оставшейся материи и завязала из нее бант для волос.

Маме было страшно весело. Это было все равно что снова шить платье кукле. А самое интересное — даже не знать, какие волосы у этой куклы — золотистые или черные.

Назавтра Нинни надела новое платье. Она была видна уже до самой шейки и, спустившись вниз к утреннему кофе, сделала книксен и пискнула:

— Большое спасибо!

Все семейство так смутилось и разволновалось, что никто не нашелся что сказать. И кроме того, никто толком не знал, куда надо смотреть, когда разговариваешь с Нинни. Все, конечно, пытались задержать взгляд чуть повыше колокольчика, где предположительно были глазки Нинни. Но по правде говоря, взгляд соскальзывал вниз и задерживался на том, что было видно. А это ведь не совсем вежливо.

Папа откашлялся.

— Так приятно, — начал он, — что Малютку Нинни сегодня видно гораздо лучше. Чем больше видишь, тем веселее...

Громко расхохотавшись, Мю постучала ложкой о стол.

— Хорошо, что ты начала болтать, — заметила она. — Если бы еще тебе было что сказать! Может, ты знаешь какие-нибудь интересные игры?

— Нет, — пискнула Нинни. — Но я слышала, что некоторые умеют играть.

Муми-тролль был в восторге. Он решил научить Нинни всем играм, какие только знал сам.

Выпив кофе, они втроем спустились вниз к реке и начали играть. Но Нинни оказалась совершенно несносной. Она приседала и делала книксены и совершенно серьезно произносила: «Ясное дело», причем произносила очень приятно и естественно, но при этом все совершенно определенно понимали, что играла она из вежливости, а не ради забавы.

— Ну беги же! — кричала Мю. — Выходит, ты даже прыгать не умеешь!

Тоненькие ножки Нинни послушно бегали и прыгали. Затем она снова застывала на месте, свесив ручки. Пустой вырез платья чуть пониже колокольчика казался каким-то странно беспомощным.

— Ты что, ждешь, пока тебя похвалят, а? — кричала Мю. — Чего ты та-

кая дохлая? Хочешь, чтобы я тебя поколотила, а?!

— Лучше не надо! — покорно пискнула Нинни.

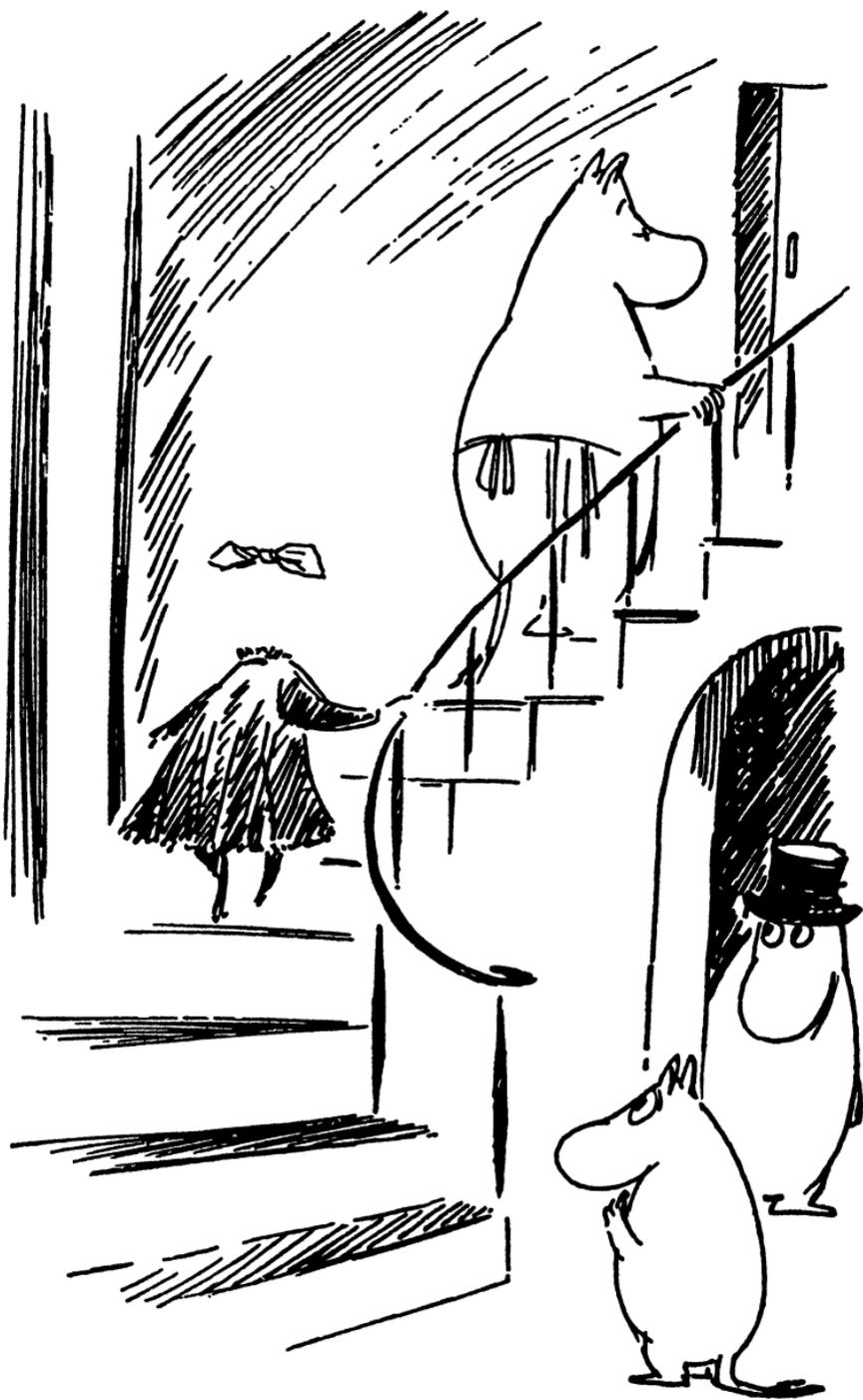
— Она не умеет играть, — озадаченно пробормотал Муми-тролль.

— Она не умеет злиться, — сказала Малышка Мю. — Это ее главный недостаток. Послушай, ты, — продолжала Мю, подступив вплотную к Нинни и бросая на нее грозные взгляды, — у тебя никогда не будет *собственного лица*, пока ты не научишься драться. Поверь мне!

— Ладно! — согласилась Нинни, осторожно отступая назад.

Но от ее согласия лучше не стало. Наконец они отказались от мысли научить Нинни играть. Забавные истории ей тоже не нравились. Она всегда смеялась невпопад. И на того, кто рассказывал, это действовало удручающе. Так что ее оставили в покое.

Дни шли, а у Нинни по-прежнему не было лица. Все уже привыкли к тому, что ее пунцовое платьице следует по пятам за Муми-мамой. Стоило маме остановиться,

как звон серебряного колокольчика тут же умолкал, но, как только она снова шла вперед, он начинал звонить. Чуть повыше платица колыхался в воздухе пунцовый бант. Это производило довольно странное впечатление.

Мама по-прежнему вливала в Нинни бабушкино Безошибочное домашнее средство, но ничего не помогало. Тогда, отложив его в сторону, она подумала, что обходились же в старину без головы и, быть может, Нинни не особенно красива.

Теперь каждый мог сам по-своему представить себе ее мордашку, а это иногда способствует более близкому знакомству.

В один прекрасный день все семейство отправилось на пляж, чтобы вытащить на берег лодку: приближалась зима. Пока шли лесом, колокольчик Нинни, как всегда, звенел за ними, но, когда семейство спустилось к морю, она внезапно остановилась. Потом легла навзничь в песок и захныкала.

— Что это с Нинни? Она чего-нибудь боится? — спросил папа.

— Может, она никогда раньше не видела моря? — сказала мама.

Нагнувшись, она о чем-то пошептала с Нинни. Потом, снова выпрямившись, сказала:

— Да, она видит море впервые и думает, что оно слишком большое.

— Из всех идиотских детенышей... — начала было Мальшка Мю, но мама, строго глянув на нее, сказала:

— На себя оборотись... А теперь вытаскиваем лодку на берег.

Они вышли на мостик купальни, где жила Туу-тикки, и постучались.

— Привет! — поздоровалась Туу-тикки. — Как поживает дитя-невидимка?

— Не хватает только мордочки, — ответил папа. — Сейчас она как раз немного не в себе, но это, наверное, пройдет. Ты не можешь подсобить капельку с лодкой?

— Ясно, могу, — сказала Туу-тикки.

Когда лодку вытащили на берег и перевернули килем кверху, Нинни тихонько подкралась к кромке воды и неподвижно застыла на мокром песке. Ее оставили в покое.

Усевшись на мостки, мама стала глядеть вниз, в воду.

— Ух, какой холодной кажется вода, — сказала она. И, чуть зевнув, добавила, что у них давненько не случилось ничего интересного.

Подмигнув Муми-троллю, папа скорчил жуткую гримасу и начал медленно

подкрадываться к маме за ее спиной. Конечно, он вовсе не собирался бросить ее в море, как частенько делал, когда она была молода. Может, он даже не собирался ее пугать, а хотел лишь чуточку позабавить малышей.

Но прежде, чем папа успел подкрасться к маме, послышался страшный вой, пунцовая молния метнулась на мостки, папа дико закричал и уронил в море шляпу. Нинни вонзила свои крохотные зубки-невидимки в папин хвост, а зубки у нее были острые.

— Браво, браво! — закричала Мю. — Я сама и то бы лучше не сделала!

Нинни, с маленьким, курносым, злым личиком под рыжей челкой, стояла на мостках и шипела на папу, словно кошка.

— Не смей толкать ее в это огромное, жуткое море! — крикнула она.

— Она больше не невидимка! Она больше не невидимка! — закричал Муми-тролль. — А ведь она миленькая!

— Довольно миленькая, — сказал Муми-папа, оглядывая свой укушенный хвост. — Из всех малявок, которых мне довелось видеть в жизни — с головой

или без головы, — эта самая глупая, самая дурашливая, самая дурно воспитанная!

Улегшись на мостки, он попытался выловить палкой свою шляпу. И как уж это случилось, никто так и не понял, но папа поскользнулся и полетел вверх тормашками. Он тут же вынырнул и твердо встал на дно, подняв морду над водой; в ушах у него было полно тины.

— О! — вскричала Нинни. — О, до чего же весело! Нет, как чудесно! — И она захохотала так, что все мостки затряслись.

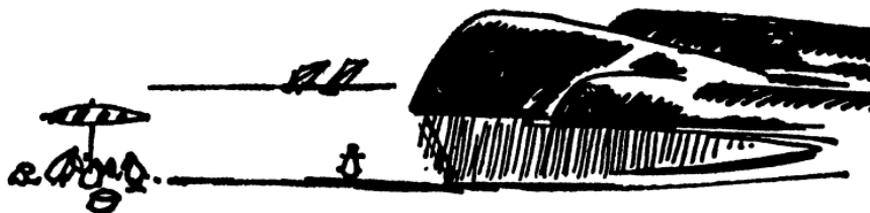
— Должно быть, она никогда раньше не смеялась, — смущенно произнесла

Туу-тики. — Сдается, малютка так у вас переменялась, что стала куда хуже Мальшки Мю. Но главное — она перестала быть невидимкой.

— Это всецело заслуга моей бабушки, — сказала Муми-мама.

ТАЙНА
ХАТИФНАТТОЗ

Это было давным-давно, в те времена, когда папа Муми-тролля ушел из дому, никому ничего не объяснив и даже сам не понимая, почему ему пришлось уйти*.

Потом мама говорила, что долгое время до этого он был каким-то странным, но, по-видимому, не более странным, чем обычно. Такое всегда придумываешь задним числом, когда ты ошеломлен, опечален и хочешь найти объяснение происходящему, чтобы утешиться.

Никто по-настоящему не знал, когда он отправился в путь.

Снусмумрик уверял, что папа намеревался вместе с Хемулем ставить сети, чтобы ловить уклею. Однако Хемуль сказал, что папа только сидел на веранде, как обычно, а потом вдруг заметил, что

* См.: Туве Янссон. Маленькие тролли и большое наводнение; Шляпа Волшебника; Мемуары папы Муми-тролля.

нынче жарко и чуточку скучно и что нужно привести в порядок причал. Во всяком случае, причал папа в порядок не приводил, он был таким же покосившимся, как всегда. А лодка по-прежнему была пришвартована на своем месте.

Куда бы он ни держал путь, он не уплыл, а ушел пешком. И само собой, мог отправиться в любую сторону, а идти в любую сторону — одинаково далеко. Так что искать его не было никакого смысла.

— Придет, когда придет, — решила мама Муми-тролля.

Эти слова он произнес в самом начале их совместной жизни и всякий раз возвращался, так что, наверное, вернется и теперь.

Никто не волновался, и это было хорошо. Они давно решили никогда не волноваться друг о друге; они предоставляли друг другу свободу, да и совесть их всегда была чиста.

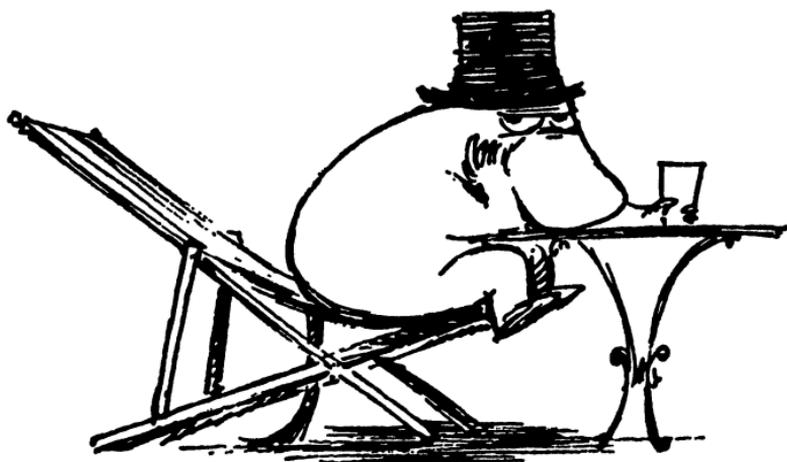
Мама, не поднимая больше шума, начала новое вязание. А где-то на западе папа Муми-тролля, движимый какой-то смутной идеей, неуклонно шагал все дальше и дальше.

Идея эта была связана с неким мысом, который он видел во время одной из прогулок. Мыс выдавался прямо в море, небо

над ним казалось золотисто-желтым. К вечеру подул ветер. Папа никогда прежде не был здесь и не видел, что там, на другой стороне мыса. Семейство мумитроллей торопилось домой к вечернему чаю. Им всегда хотелось домой из тех мест, которые были им не по душе. Но папа упорно торчал на берегу, глядя в море. И вот тут-то целая флотилия маленьких белых парусных лодок скользнула от берега и устремилась прямо вперед.

— Хатифнатты, — произнес Хемуль, и этим все было сказано. Чуть уничижительно, чуть настороженно и явно отрицательно. Как об изгоях общества, немного опасных, — словом, как о совсем иных...

И тут папу охватила непреодолимая тоска и меланхолия, и единственное, что он твердо знал, — он абсолютно не желает

больше пить чай на веранде. Ни в этот, ни в какой любой другой вечер.

Все это произошло уже давным-давно, но картина, виденная им, сохранилась в его памяти. И в один прекрасный день, после полудня, он отправился в путь.

Было жарко, и он шел совершенно наугад.

Он не смел ни о чем думать и даже что-нибудь чувствовать, он просто шел навстречу закату, щуря глаза, прикрытые полями цилиндра, и слегка насвистывал не какую-нибудь особую, а самую обыкновенную мелодию. Холмы то поднимались, то опускались, деревья, странствуя мимо него, оставались позади, а тени становились все длиннее, по мере того как он шел вперед.

В ту самую секунду, когда солнце опустилось в море, папа вышел на длинную прибрежную полосу, усыпанную гравием, где не было уже никаких тропок и где никому и в голову не приходило прогуливаться.

Он никогда прежде не видел эту прибрежную полосу; берег здесь был серый и печальный, что, собственно, означало лишь то, что здесь кончался берег и на-

чиналось море. Папа все же спустился в воду у самого берега. И стал смотреть на море.

И разумеется — да и как могло быть иначе, — вдоль берега, медленно гонимая попутным ветром, проплыла лодка.

— Это они, — спокойно произнес папа и начал махать рукой.

На борту было всего три хатифнатта, и они были такие же белые, как лодка и парус. Один сидел у руля, а двое других — спиной к мачте. Все они смотрели в море, и казалось, между ними идет перепалка. Но папа Муми-тролля слышал, что хатифнатты никогда не ругаются между собой, они очень молчаливы и стремятся только все плыть и плыть вперед, плыть как можно дальше. Вплоть до самого горизонта или до конца света — это им, видимо, все равно. Так, по крайней мере, утверждают. И еще — ходят толки, будто хатифнатту нет дела ни до кого другого, кроме как до самого себя; а еще — во время грозы они заряжаются электричеством. И что они опасны для тех, кто обитает в гостиных и на верандах и занимается одним и тем же делом в одно и то же время дня.

Все это интересовало папу с тех самых пор, как он себя помнил. Но поскольку говорить о хатифнаттах иначе чем намеками в светском обществе не принято, ему так никогда и не довелось узнать, как все обстоит на самом деле.

Теперь же у него даже хвост дрожал, пока он неотрывно наблюдал, как лодка подплывает все ближе и ближе. Они не махали ему в знак приветствия — да и как мог хатифнатт сделать такой буднич- ный жест! Но было совершенно ясно, что они собираются взять его с собой. С тихим хрустом въехала лодка носом прямо в гра- вий и там застыла.

Хатифнатты обратили свои круглые блеклые глаза к папе Муми-тролля. Сняв цилиндр, он начал объясняться. Пока он говорил, хатифнатты помахивали в такт лапами. И это так сбивало папу с толку, что он пустился в путаные, пространные рассуждения о горизонтах и верандах, о свободе и о том, что приходится пить чай, когда совершенно этого не хочется. На- конец он смущенно замолчал, и хатифнат- ты перестали махать лапами.

«Почему они ничего не говорят? — нервно подумал папа. — Разве они не

слышали, что я говорю, или они думают, что я смешон?»

Протянув вперед лапу, он придал своему голосу дружелюбно-вопросительную интонацию, но хатифнатты даже не шевельнулись. Их глаза мало-помалу становились такими же золотистыми, как небо.

Тогда папа заложил руку за спину и неуклюже раскланялся.

Хатифнатты тотчас поднялись и поклонились — весьма торжественно, — все трое одновременно.

— Благодарю, — сказал папа.

Не делая новых попыток объяснить, он вместо этого влез в лодку и оттолкнул ее от берега. Сейчас небо было таким же жарко-золотистым, как тогда — давным-давно. Лодка начала медленно лавировать, направляясь в открытое море.

Папа Муми-тролля никогда не чувствовал себя таким спокойным и таким довольным абсолютно всем на свете. Собственно говоря, это просто прекрасно, когда не нужно ничего говорить и объяснять — ни себе самому, ни другим. А только сидеть и вглядываться в горизонт и слышать, как под лодкой плещутся волны. Когда берег скрылся вдали, над морем поднялась

шарообразная желтая луна, такая, как бывает лишь в полнолуние. Папа никогда не видел такой большой и такой одинокой луны. И не понимал, как это море может быть таким безбрежным и громадным, каким он сейчас увидел его.

Он вдруг подумал, что единственно подлинное и убедительное на свете — луна, и море, и лодка с тремя молчаливыми хатифнаттами.

И разумеется, горизонт — там, над морем, — со своими блистательными приключениями и безымянными тайнами, которые ожидали его теперь, когда он был наконец свободен.

Он решил быть таким же молчаливым и таинственным, как хатифнатты. Ведь если не болтать зря, к тебе проникнутся уважением. И подумают, что тебе многое известно и что ты живешь страшно увлекательной жизнью.

Папа посмотрел на хатифнатта, который, сидя у руля, правил лодкой при лунном свете. Папе захотелось сказать ему несколько добрых слов как спутнику, слов, которые показали бы, что он все понимает. Но он отказался от этой мысли. По правде говоря, он не придумал ничего,

что звучало бы ну, скажем, достаточно убедительно.

Что это Мюмла говорила о хатифнаттах? Это было однажды весной, за обеденным столом. А, вот что: «Они ведут порочный образ жизни». И мама Муми-тролля еще сказала: «Чепуха, что ты такое болтаешь!»

Но Мю необычайно заинтересовалась этими словами и захотела тут же узнать, что они означают. Но насколько папа мог вспомнить, никто не мог по-настоящему объяснить, как ведут себя при порочном образе жизни. Вероятно — не вдаваясь в подробности, — дико и вольно.

Мама сказала тогда, что она и не думает, будто вести порочный образ жизни — весело, но папа не был так уверен в этом. Мюмла же твердо заявила, что все это как-то связано с электричеством. И еще они умеют читать чужие мысли, и это тоже не очень-то хорошо. А потом все заговорили о другом.

Папа бросил быстрый взгляд на хатифнаттов. Они снова махали лапами.

«Нет, как это ужасно, — подумал он. — Неужели это возможно? Неужели они сидят тут и читают мои мысли с помощью лап? И теперь они оскорблены...»

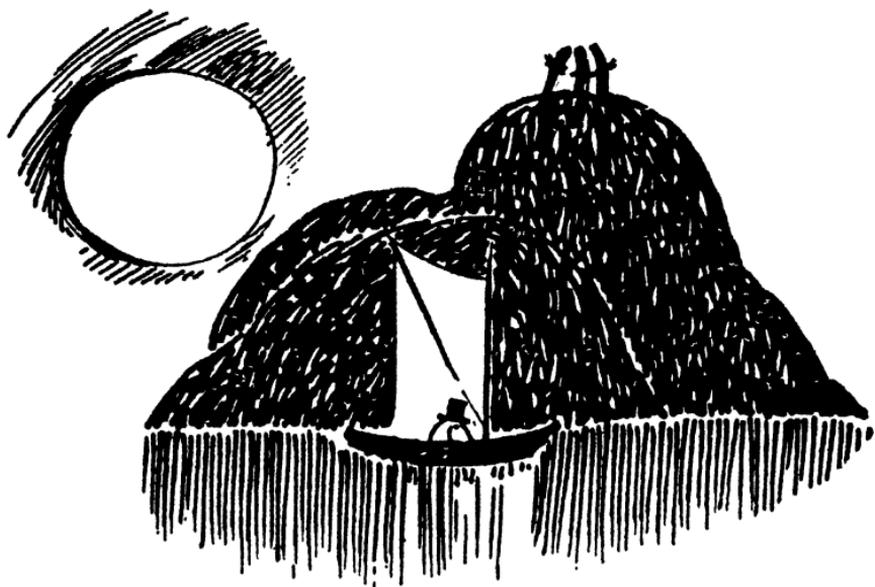
Он попытался в отчаянии стереть свои мысли, выбросить их из головы, забыть все то, что когда-либо слышал о хатифнаттах. Но это было не так легко! Сейчас на свете не было ничего другого, что интересовало бы его. Если б он только мог начать говорить, это так отвлекает от ненужных мыслей!

И лучше не станет, если отказаться от великих, опасных мыслей и попытаться обрести спасение в мелких и обычных. Тогда все хатифнатты подумают, что ошиблись в нем и что он на самом деле обыкновенный папа, из тех, что сидят на веранде...

Папа Муми-тролля не спускал напряженного взгляда с моря, где на лунной дорожке обозначился маленький черный скалистый островок.

Он попытался думать как можно проще: островок в море, луна над островком, луна плавает в море; островок — черный как уголь, желтая луна, темно-синее небо... Он думал так, пока снова не успокоился, а хатифнатты не перестали махать лапами.

Островок был очень высокий, хоть и небольшой.

Бугристый и темный, поднимался он из воды, напоминая голову одной из самых крупных морских змей.

— Мы причалим тут? — с любопытством спросил папа.

Хатифнатты не ответили. Они поднялись на берег с причальным канатом и закрепили якорь в расселине. Не обращая ни малейшего внимания на папу, они начали карабкаться вверх по прибрежному склону. Он видел, как они обнюхивают воздух; они кланялись и размахивали лапами и явно напоминали участников какого-то крупного заговора, куда ему доступа не было.

— Подумаешь! — оскорбленно сказал папа; он вылез из лодки и отправился следом за ними. — Если я спрашиваю: «Мы причалим тут?» — хотя я и так вижу, где мы причаливаем, — то вы, во всяком случае, могли бы ответить. Ну пару слов, ну хотя бы столько, чтобы почувствовать: у меня есть общество.

Но произнес он эти слова совсем тихо и только самому себе.

Скала была крутая и скользкая, а островок этот необычный, он совершенно отчетливо заявлял: он желает, чтобы его оставили в покое. На островке не росли цветы, не росли мхи и вообще ничего не росло — он лишь с сердитым видом высывался из моря.

Внезапно папа обнаружил кое-что ужасно неприятное и странное. Островок был наводнен красными пауками. Они были очень маленькие, но их было бесчисленно: они кишмя кишели на черной скале, покрывая ее, словно красным ковром.

Ни один не сидел на месте, все до единого носились с такой быстротой, на какую только были способны. Казалось, будто весь остров шевелится и ползает в лунном сиянии.

Папе стало ужасно худо от отвращения.

Он поднимал ноги, он поспешно спасал свой хвост, основательно тряся его; он неотрывно смотрел кругом в поисках хотя бы одного-единственного местечка, которое было бы свободно от красных пауков, но такого не нашлось.

— Я ведь не хочу наступить на вас, — бормотал папа. — О боже, почему я не остался в лодке... Вас слишком много, это ведь совершенно противоестественно, что на островке полным-полно пауков одного и того же вида... и все почти одинаковые...

Он беспомощно смотрел на хатифнаттов и видел на фоне луны их силуэты на

самой вершине. Один из них явно что-то нашел. Но папа не мог разглядеть, что именно.

Вообще-то, ему было все равно. Он снова направился вниз, к лодке, непрерывно отряхивая лапы, точно кот. Пауки уже начали заползать на него, и он был неслыханно и неприятно взволнован.

Они заползли и на причальный канат — длинная красная процессия — и начали уже странствовать по перилам.

Папа Муми-тролля уселся как можно дальше от пауков, на корме.

«О чем-то в этом роде всегда мечтаешь, — подумал он. — Просыпаешься, будишь Муми-мату и говоришь: „Милая, мне приснился какой-то кошмар, какой-то ужасный кошмар — пауки, ты даже представить себе не можешь...“ А она отвечает: „Ой, бедняжка, но ты же видишь: здесь ни одного нет, это только сон...“»

Хатифнатты медленно возвращались обратно.

И тут в мгновение ока каждый самый маленький паучок присел от испуга на задние лапки и, повернувшись, ринулся по причальному канату обратно на берег.

Хатифнатты сели в лодку и оттолкнулись от берега. Выскользнув из черной тени, отбрасываемой островком, ониплыли прямо в лунную дорожку.

— Какое счастье, что вы вернулись! — с откровенным облегчением воскликнул папа. — Я никогда не умел обращаться с пауками. Когда они такие маленькие, с ними и не поговоришь. Нашли вы что-нибудь приятное?

Хатифнатты окинули его долгими золотисто-лунными взглядами, но по-прежнему молчали.

— Я спросил, не нашли ли вы что-нибудь приятное, — повторил папа, и мордочка его покраснела. — Если это тайна, держите ее при себе, раз это необходимо. Но скажите хотя бы: вы что-то нашли?

Хатифнатты молча стояли, глядя на него. Голова папы Муми-тролля начала гореть, и он закричал:

— Нравятся вам пауки? Нравятся они вам или нет? Хочу знать об этом сейчас же, не сходя с места!

В наступившей долгой тишине один из хатифнаттов вдруг выступил вперед и распростер лапы. Быть может, он что-то

сказал, а может, это ветер прошептал над водой какие-то слова.

— Извините, — неуверенно сказал папа, — я понимаю.

Ему показалось, будто хатифнатт объяснил, что у них нет никакого особого отношения к паукам. Или же выразил сожаление по поводу чего-то, чему нельзя помочь. Может, по поводу того печального факта, что хатифнатт и папа Мумитролля никогда не смогут понять друг друга и побеседовать. А может, хатифнатт был разочарован и думал, что папа вел себя по-детски. Слегка вздохнув, Муми-папа стал уныло их разглядывать. И увидел, что именно нашли хатифнатты: маленький свиток из бересты, из той, что море скручивает и выбрасывает на берега.

И ничего другого. Ее сворачивают, как документ, а внутри береста белая и гладкая, как шелк; но стоит выпустить ее из

рук, как она снова сворачивается. Точь-в-точь как сжимается маленький кулачок*, надежно хранящий тайну. Мама Муми-тролля обычно обматывает такой берестой ручку кофейника.

Видимо, этот свиток содержал очень важное сообщение. Но папа больше уже не любопытничал. Он немножко замерз и свернулся калачиком на дне лодки, чтобы заснуть. Хатифнатты не чувствовали холода, только действие электрического тока.

И никогда не спали.

Папа Муми-тролля проснулся на рассвете. Спина у него заостенела, и он по-прежнему мерз. Из-под полей цилиндра он увидел кусочек перил и серый треугольник моря, который то опускался, то поднимался, то снова опускался. Ему было чуточку нехорошо, и он вовсе не чувствовал себя папой, пускающимся на поиски приключений.

Один из хатифнаттов сидел наискосок от него на банке, и папа украдкой наблюдал

* Шв. слово «björknäver» — «береста» содержит также слово «näver» — «кулачок».

за ним. Теперь глаза у него были серые. Тонко очерченные лапы шевелились медленно, словно крылья ночной бабочки. Может, он разговаривал с другими хатифнаттами или думал. Голова его была круглой, без всякого намека на шею.

«А вся его фигура походит на длинный белый чулок, — подумал папа Мумитролля. — Чуть обтрепанный снизу. Или на кусок белого пенопласта».

Теперь папе в самом деле было худо. Он вспомнил, как вел себя накануне вечером. Вспомнил и пауков. Впервые в жизни он видел, как пугаются пауки.

— Ой-вой! — пробормотал папа.

Он сделал попытку сесть и в тот же миг увидел свиток из бересты. Он замер. Его уши под цилиндром встали торчком. Свиток лежал в ковше на нижней палубе и медленно, в такт движениям лодки, то сворачивался, то разворачивался.

Папа Мумитролля и думать забыл, что ему худо. Его лапа осторожно подползала все ближе и ближе к свитку. Он быстро взглянул на хатифнаттов, но глаза их, как обычно, были устремлены к горизонту. Вот он схватил свиток, сжал его в лапе и медленно притянул к себе. И в тот же миг

почувствовал легкий удар тока, не сильнее, чем от батарейки карманного фонарика. Но чувствовался он даже в затылке.

Муми-папа немного тихонько полежал и успокоился. Затем медленно развернул таинственный документ. То был обыкновенный белый свиток. Никакая не карта Острова сокровищ. Никакого тайного шифра, вообще ничего.

Может, это визитная карточка, которую один хатифнатт из вежливости оставляет на каждом необитаемом острове, чтобы его нашел другой хатифнатт? Быть может, такой электрический удар дает им чувство такого же светски-дружеского общения, как и приятное письмо? Или, быть может, они умеют читать невидимые письма, о которых обыкновенные тролли не имеют ни малейшего представления? Разочарованный Муми-папа положил свиток, и тот снова свернулся.

Папа взглянул вверх. Хатифнатты спокойно рассматривали его. Он покраснел.

— Мы все же в одной лодке, — сказал он. И, не ожидая ответа, беспомощно и жалобно протянул лапы так (он уже видел), как это делали хатифнатты, и вздохнул.

И тогда ветер ответил ему слабым воем в надутых штагах*. Море катило вокруг свои серые волны, катило до самой крайней оконечности мира, и папа Муми-тролля чуть меланхолично подумал: «Если это значит — вести порочный образ жизни, я готов съесть свой цилиндр».

На свете столько разных островов. Но пустынны и печальны только самые мелкие из них, и только те, что расположены далеко в море. Повсюду вокруг меняют свое направление ветры, а желтая луна садится в море, и по ночам оно становится черным. И лишь острова остаются все такими же, и только порой туда наведываются хатифнатты. Вообще-то, острова эти вряд ли можно назвать островами. Скорее это шхеры**, выступы скал, мелкие скалистые островки, забытые полосы суши, которые, быть может,

* Канаты от верхней части мачты до носа, удерживающие мачту от падения назад.

** Каменные островки.

опускаются в море до рассвета и поднимаются наверх ночью, чтобы оглядеться вокруг. Ведь об этом так мало известно.

Хатифнатты посещают буквально каждый островок, каждый выступ, каждую полоску суши. Иногда там ожидает их маленький свиток из бересты. Иногда там вообще ничего нет, а островок оказывается лишь спиной тюленя, окруженной бурунами или несколькими расчлененными скалами с высоченными нагромождениями красноватых водорослей — фукуса. Но на каждом из настоящих островков, на самой его вершине хатифнатты непременно оставляют маленький белый свиток из бересты.

«У них есть какая-то идея, — подумал папа, — что-то, что для них важнее всего. И я думаю плыть вместе с ними до тех пор, пока не узнаю, что же это такое».

Им не встречались больше красные пауки, но, во всяком случае, всякий раз, когда они причаливали к берегу, Мумипапа оставался в лодке. Потому что эти островки заставляли папу Муми-тролля вспоминать другие, затерянные далеко за его спиной островки, где он со своим семейством и друзьями устраивал пикники;

вспоминать поросшие кудрявой зеленью их семейные заливы, палатку, и чашку с маслом, стоявшую в холодке, в тени под лодкой, и стакан сока в песке, и плавки, сушившиеся на камне... Само собой, он вовсе не тосковал об этой надежной и устойчивой жизни папы, сидящего на веранде.

И только одна-единственная мысль, мелькавшая порой, портила ему настроение и угнетала его. Кое-что совсем мелкое, но оно уже было не в счет.

Вообще-то, папа стал мыслить совершенно иначе. Все реже и реже размышлял он обо всем, что ему довелось переживать во время своей столь милой ему пестрой жизни. И так же редко мечтал он о том, что принесут ему дни в будущем.

Его мысли скользили, словно лодки, без всяких воспоминаний о прошлом и мечтаний о будущем, они были точно серые, странствующие по морям волны, у которых нет даже желания добраться до горизонта.

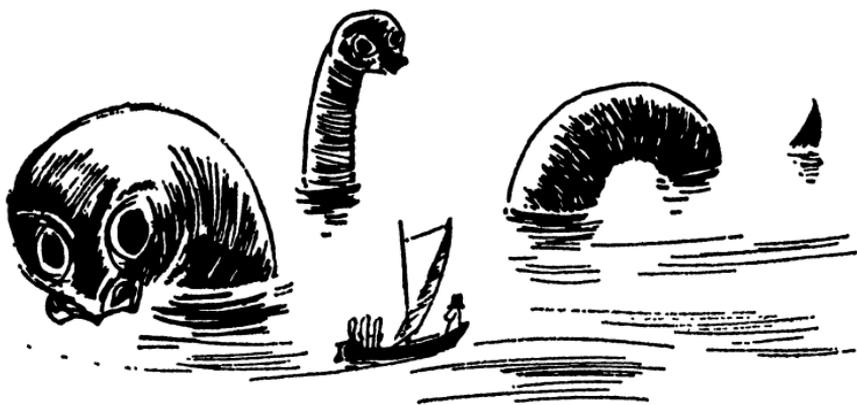
Папа не пытался больше заговаривать с хатифнаттами. Как и они, он не отрывал взгляда от моря, его глаза стали такими

же блеклыми, как и у них, позаимствовав свой переменчивый цвет у моря. А когда навстречу им попадались новые острова, он не шевелился, только ударял несколько раз хвостом по дну лодки.

«Интересно, — подумал однажды папа, когда их лодка скользила вперед во время длинного и утомительного морского перехода по мертвой зыби, — интересно, не становлюсь ли я похожим на хатифнатта?»

День был очень жаркий, а к вечеру над морем за клубился туман. Туман был какой-то тяжелый, особенного золотисто-багрового цвета, — папе он казался угрожающим и чуточку живым.

Морские змеи, фыркая, всплывали на поверхность. Порой он видел, как они мелькают вдали: круглая темная голова,

испуганный взгляд, не отрывавшийся от хатифнаттов, а затем — удар хвостом и безумное бегство туда, в туман.

«Они так же напуганы, как и пауки, — подумал папа. — Все боятся хатифнаттов...»

Отдаленный удар грома прокатился в тишине, а затем все снова стало таким же неподвижным и молчаливым.

Папе всегда казалось, что гроза ужасно интересна. Теперь он вообще ничего не думал. Он был совершенно свободен, ничто его больше не волновало.

И как раз в этот миг из тумана выплыла другая лодка с большим обществом на борту. Папа вскочил. На миг он снова стал прежним папой: он размахивал цилиндром, он кивал головой и кричал. Незнакомая лодка держала курс прямо на них. Лодка была белая, белым был и парус. И те, кто сидел там, тоже были белыми...

— А, вон что! — сказал папа.

Увидев, что это тоже хатифнатты, он перестал кивать головой и сел на свое место.

Обе лодки проследовали вперед, не поприветствовав друг друга.

И вдруг из темного тумана лодки заскользили одна за другой. Похожие на тени, все они плыли в одну и ту же сторону, и всюду был один и тот же экипаж — хатифнатты. Иногда их было семь или пять, а иногда всего лишь одинокий хатифнатт — но всегда нечетное число.

Клубился туман, вливавшийся в сумерки, тоже слегка окрашенные в золотистый цвет. Море переполнилось лодками. И все они были обращены носом к новому острову — длинному острову, где не было ни деревьев, ни гор.

Снова загрела гроза. Она была где-то там, среди всего того могучего и черного, что нарастало и нарастало справа над горизонтом.

Одна за другой лодки приставали к берегу, и паруса опускались. Пустынный прежде берег кишмя-кишел хатифнаттами, которые уже вытащили свои лодки и теперь раскланивались друг с другом.

Куда ни кинешь взгляд, всюду бродят белые, высокомерные существа, раскланиваются друг с другом. Они тихо шелестят, помахивая в такт лапами. А вокруг что-то шепчет прибрежная трава.

Папа держался немного особняком: он отчаялся отыскать своих собственных хатифнаттов среди других. Это было очень важно для него. Ведь они были единственные, кого он хоть немножко знал... Ну да, совсем немножко. Но все-таки...

Но они исчезли в этой сутолоке, он не видел никакой разницы между ними и другими хатифнаттами. И папу вдруг охватил такой же ужас, как и на паучьем острове. Нахлобучив цилиндр еще ниже на глаза, он попробовал принять грозный и неприжженный вид.

Цилиндр был единственно надежным и абсолютным на этом удивительном острове, где все было белым, шепчущим и неопределенным.

Муми-папа не надеялся больше на самого себя, но в цилиндр он верил: тот был черный, как уголь, и совершенно определенный, а внутри Муми-мама написала: «П. М. от твоей М. М.». Написала для того, чтобы узнать этот цилиндр среди всех высоких шляп в мире.

Причалила последняя лодка, ее вытащили на берег, и хатифнатты перестали шелестеть лапами. Они обратили свои зо-

лотисто-рыжие глаза к папе, все сразу, а потом направились к нему.

«Теперь они начнут драться», — подумал папа и тут же, совершенно проснувшись, бодро заинтересовался всем происходящим. Как раз в эту минуту у него появилось желание драться — драться с кем угодно, только драться и драться, и кричать, и быть уверенным в том, что у всех других есть недостатки и этих других надо как следует поколотить.

Но хатифнатты никогда не дрались, точно так же, как они никому не противоречили, ни о ком плохо не думали — абсолютно ничего не думали вообще.

Они выходили вперед — сотнями, один за другим — и кланялись, а папа снял цилиндр и кланялся до тех пор, пока у него не заболела голова. И сотни хатифнаттов размахивали лапами до тех пор, пока папа от усталости тоже не стал размахивать лапами.

Когда последние хатифнатты прошли мимо, папа Муми-тролля совершенно забыл о своем желании драться. Он был учтив и до предела измучен и, держа в лапе цилиндр, проследовал за хатифнаттами по нашептывавшей что-то траве.

Теперь гроза забралась высоко в небо и склонилась над ними, словно угрожающая падением стена. Там, наверху, гулял ветер, почувствовать который они не могли, и гнал перед собой мелкие, рваные обрывки туч, в страхе спасавшиеся бегством.

Прямо над морем колыхались короткие и своенравные вспышки молний, они зажигались и угасали и зажигались снова.

Хатифнатты собрались в самой середине острова. Они повернулись к югу, откуда неслась гроза, совсем как морские птицы перед непогодой. Один за другим

начали они загораться и светить, как ночники, они вспыхивали в такт молниям, а трава вокруг трещала, словно наэлектризованная.

Папа лег на спину, неотрывно глядя на блеклую зелень прибрежных растений, на их нежные светлые листья на фоне темного неба. У них дома была диванная подушка с узором, изображавшим папоротники, — подушка, которую вышила Муми-мама. Это были светло-зеленые листья на черном, как уголь, сукне. Подушка была очень красивая.

Раскаты грома приближались. Папа ощутил слабые толчки в лапах и уселся на траву. В воздухе пахло дождем.

Внезапно лапы хатифнаттов затрепетали, как крылья мельницы. Они раскачивались во все стороны, кланялись и танцевали, и повсюду на этом пустынном острове зажужжала тоненькая песенка комара. Хатифнатты завывали — одиноко, призывно и тоскливо, песенка звучала так, словно ветер завывал в бутылочном горлышке. И папа почувствовал непреодолимое желание поступить так же — раскачиваться взад-вперед, выть и снова раскачиваться и шелестеть лапами.

У него закололо в ушах, и он начал размахивать лапами. Поднявшись, папа медленно направился к хатифнаттам.

«Их тайна как-то связана с грозой, — подумал он. — Гроза — то, что они ищут и о чем мечтают...»

Тьма опустилась на остров, и молнии заструились прямо вниз, белые, шипящие от опасности, далеко-далеко, там, где ветер бушевал над морем, все приближаясь и приближаясь, а затем загрохотала гроза, самая безудержная грозовая непогода из всех, которые когда-либо пришлось переживать папе.

Казалось, будто тяжелые повозки с камнями, грохоча, катились взад-вперед, взад-вперед по темному небу; примчался ветер и опрокинул папу на траву.

Там он и остался сидеть, держа в лапах шляпу-цилиндр, а буря просто пронизывала его; и он вдруг подумал: «Нет. Что это со мной? Ведь я же не хатифнатт, а папа Муми-тролля... Что мне здесь делать?..»

Он посмотрел на хатифнаттов и молниеносно понял все. Он понял: единственное, что может вселить жизнь в хатифнаттов, — это огромная, колоссальная гроза. Они получают сильный заряд электричества, но сами по себе — беспомощны. Они ничего не чувствуют, ни о чем не

думают, они просто ищут. Но когда наконец наэлектризуются, они живут изо всех сил, испытывая большие, сильные чувства.

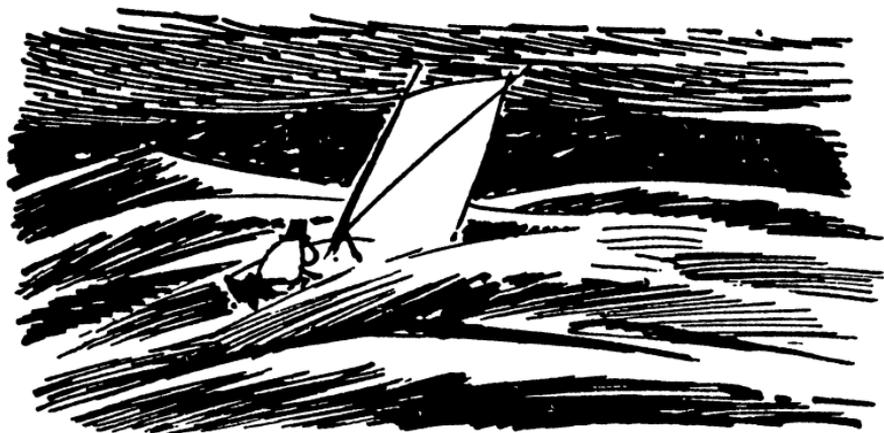
Видно, это и было то, к чему они стремились и о чем тосковали. Быть может, они притягивают к себе грозу, когда собираются большими толпами.

«Должно быть, это так и есть, — подумал папа. — Бедные хатифнатты. А я-то хорош! Сажу себе в моем заливе и думаю, что они такие замечательные и вольные — только потому, что ничего не говорят, а все плывут и плывут, все дальше и дальше. Им нечего сказать и некуда плыть...» В тот же миг туча разверзлась, и на них хлынул дождь, сверкая и белея при свете молний.

Папа вскочил; глаза его стали еще более синими-пресиними, как никогда, и он закричал:

— Иду домой! Немедленно плыву домой!

Задрвав мордочку вверх, он решительно надвинул цилиндр на уши. Потом спустился вниз, к берегу, вскочил в одну из белых лодок, поднял парус и пустился в плавание прямо по бушующему морю.

Он снова был самим собой, снова раздумывал о разных вещах и предметах и тосковал о доме.

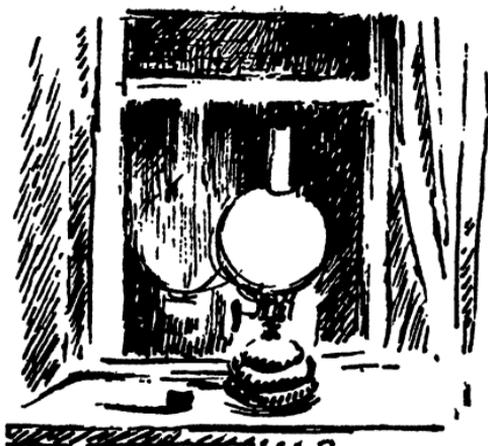
«Только подумать! Никогда в жизни не бывать веселым или разочарованным, — думал папа, пока лодка летела вперед сквозь бурю. — Никогда никого не любить и ни на кого не сердиться, никогда никого не прощать... Не спать и не мерзнуть, никогда не ошибаться, не чувствовать боли в животе и не выздоравливать снова, не праздновать день рождения, не пить пиво и не испытывать угрызений совести...»

Все. Все так ужасно.

Он был счастлив. Он промок насквозь и ничуть не боялся грозы. У себя дома муми-тролли никогда не проведут

электричество, у них всегда будут керосиновые лампы.

Папа Муми-тролля затосковал по своей семье и по своей веранде. И он вдруг подумал, что только там он по-настоящему вольная птица и только там он истинный искатель приключений, именно такой, каким и должен быть настоящий Муми-папа.

CEDPUK

Теперь, после всего, что случилось, трудно понять, как маленького зверька Сниффа удалось уговорить отдать Седрика.

Во-первых, никогда раньше Снифф никому ничего не отдавал, а скорее отбирал у других все, что мог. А во-вторых, Седрик действительно был совершенно необыкновенный...

Седрик был вовсе не живое существо, а вещь. Но зато какая вещь! С первого взгляда можно было подумать, что это всего-навсего маленький плюшевый песик, порядком потрепанный от чрезмерного обожания, да еще абсолютно лысый... Однако стоило приглядеться к Седрику поближе, как оказывалось, что глаза его светились почти как настоящие топазы, а застежку

ошейника украшал настоящий маленький лунный камень.

А каким неподражаемым было, кроме того, выражение его мордочки! Никогда ни один песик не выглядел так симпатично. Вполне возможно, что драгоценные камни были для Сниффа куда важнее, чем выражение собачьей мордочки... Но как бы там ни было, Седрика он любил.

И не успел он отдать Седрика, как тут же отчаянно об этом пожалел. Снифф не ел, не спал, не разговаривал, а только переживал и раскаивался в собственной доброте.

— Мой дорогой маленький Снифф, — огорченно сказала как-то Муми-мама. —

Если уж ты так безумно любишь Седрика, ты мог бы подарить его хотя бы кому-то, кого любишь, а не дочери Гафсы.*

— Чепуха... — пробормотал Снифф, уставившись в пол несчастными, красными от слез глазками. — Это все из-за Мумитролля! Это он виноват. Он уверял меня: «Отдашь, мол, что-нибудь, чем особенно дорожишь, тут же тебе воздастся: получишь взамен в десять крат. А к тому же почувствуешь себя таким благородным!» Он обманул меня.

— Да ну! — удивилась мама. — Надо же!

Она не нашла ничего лучшего, кроме этих слов. Ей надо было сперва поразмыслить обо всем об этом. Утро вечера мудренее!

Настал вечер, и мама ушла в свою комнату. Все пожелали друг другу спокойной ночи и потушили лампы, одну за другой. Не спал только Снифф. Он уставился в потолок, по которому качалась взад-вперед тень от огромной, освещенной луной

* См. сказку «Филифьонка, которая верила в катастрофы».

ветки. Ночь стояла теплая. Окно было распахнуто настежь, и Снифф слышал, как внизу у реки Снусмумрик пиликал на своей губной гармошке.

Когда мрачные мысли совершенно одолели Сниффа, он вылез из кровати, чуть слышно прокрался к окну, спустился по веревочной лестнице на землю и побежал через сад, где излучали сияние пионы. Пионы были белоснежные, а все тени — черные, как уголь. Высоко в небе, далекая и равнодушная, плыла луна.

Снусмумрик сидел возле своей палатки.

Этой ночью он наигрывал не весенние мелодии, а только отрывки из них, напоминавшие музыкальный ребус, или же брал робкие полуаккорды, которые берут, когда еще не знают, что сказать.

Безутешный Снифф уселся рядом с ним и стал глядеть на реку.

— Привет! — сказал Снусмумрик. — Здорово, что ты пришел! Я тут играю и все думаю об одной истории, которая, пожалуй, интересна и тебе.

— Нынче ночью сказки мне не интересны, — буркнул Снифф и свернулся в клубочек.

— Но это вовсе не сказка, — пояснил Снусмумрик. — Это взаправдашняя история. Она случилась с теткой моей мамы.

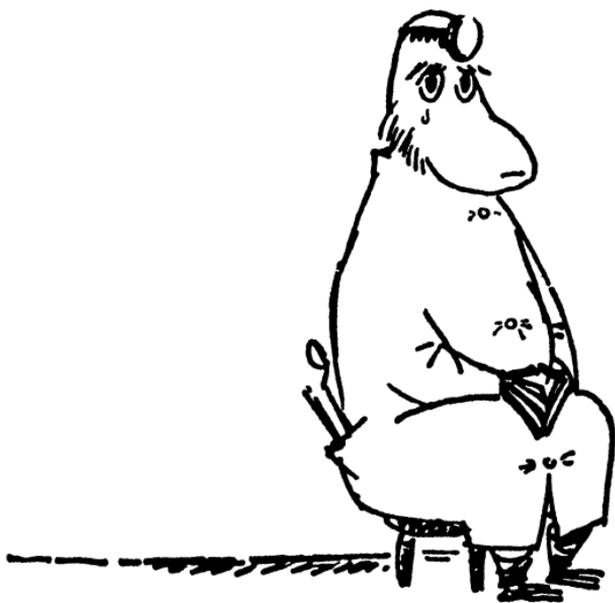
И Снусмумрик принялся рассказывать, посасывая трубку и шлепая пальцами ног по речной воде, черной, словно ночная мгла.

— Жила-была одна дама, которая просто обожала свои вещи. Детей, которые развлекали бы или раздражали ее, у дамы этой не было; ей не нужно было работать или готовить еду, ее не беспокоило, что люди думают о ней. И вообще она была не робкого десятка. Но потом случилось так, что интерес к вещам у нее пропал. И вообще — все наскучило.

Тем не менее она по-прежнему обожала свои красивые безделушки, которые собирала всю жизнь. В безупречном порядке расставляла она их по полкам, мыла и чистила до блеска, и они становились все красивее и красивее, так что гости приходили в дикий восторг от всего, что видели в ее доме...

— Да, счастливая она была, тетка твоей матери, — сказал, кивнув головой, Снифф. — А какой вид был у ее вещей?

— Еще бы, — продолжал Снусмумрик. — Конечно счастливая, насколько возможно. Но помолчи, дай рассказать до конца. Как-то ночью случилось, ни мало ни много, вот что: тетка проглотила огромную косточку от бараньей отбивной, когда с аппетитом уплетала ее в темном чулане. Несколько дней подряд она чувствовала себя неважно и, когда через

некоторое время ей лучше не стало, обратилась к доктору. Он постучал ей по спине, послушал, сделал рентген, чуточку потряс ее и наконец сказал, что баранья косточка встала поперек желудка. Кос-

точка оказалась страшно вредной, и ее никак нельзя было сдвинуть с места. Словом, доктор не исключал худшего исхода...

— Что ты говоришь! Смотри, как обернулось дело! — внезапно заинтересовался Снифф. — Значит, доктор считал, что она может умереть в любую минуту, хотя, наверное, не решался сказать ей об этом.

— Примерно так, — согласился Снусмумрик. — Но тетка моей мамы была не робкого десятка, поэтому она спросила доктора, сколько ей еще осталось жить, а потом отправилась домой, занятая своими мыслями. Ведь несколько недель не очень-то долгий срок!

И тут она вспомнила, что в молодости мечтала увидеть, что за река такая Амазонка, мечтала научиться нырять на большую глубину, мечтала построить большой веселый дом для сирот и добраться как-нибудь до действующего вулкана. А еще закатить пир на весь мир для своих друзей. Но со всем этим она уже наверняка опоздала. И настоящих друзей у нее тоже не было. Она только собирала красивые вещи, а коллекционирование отнимало уйму времени.

Чем больше она думала об этом, тем грустнее ей становилось. Расхаживая взад-вперед по комнатам, она искала утешения у своих удивительных вещей, но они уже совсем не радовали ее. Наоборот, она с грустью думала, что ей придется оставить их на земле, когда сама она вознесется на небо.

И мысль, что там придется собирать все сначала, тоже не радовала ее после всего, что с ней случилось.

— Бедная фру*! — воскликнул Снифф. — А не могла она взять с собою ну хотя бы одну маленькую-премаленькую вещицу?!

— Нет, — серьезно ответил Снусмумрик. — Это запрещено. А теперь молчи и слушай. Как-то ночью тетка моей мамы лежала, неотрывно глядя в потолок, и все думала, думала. Со всех сторон ее окружала прекрасная мебель и изящные безделушки, повсюду стояли и лежали произведения искусства — на полках, на полу, на стенах, на потолке, в шкафах и ящиках. И вдруг она почувствовала, что задыхается при виде этих вещей, которые

* Госпожа (шв.)

к тому же не приносили ей ни малейшего утешения. И тогда ее осенила одна замечательная мысль. Мысль эта была столь блестящая, что тетка моей мамы даже рассмеялась про себя. Она тут же приободрилась и встала с кровати, чтобы лучше все обдумать. Она решила раздать все свои вещи, чтобы они не загромождали комнаты и чтобы там было больше воздуха. Это просто необходимо, если у тебя в желудке застряла косточка, а тебе хочется в мире и покое думать об Амазонке.

— Что за дурость! — разочарованно протянул Снифф.

— Никакая не дурость, — возразил Снусмумрик. — Ей было жутко весело сидеть и гадать, что кому подарить. Ясное дело, у нее была большая родня и масса знакомых. И это было хорошо, хотя настоящих-то друзей у нее как раз и не было. И вот она думала о каждом из родных и знакомых по очереди и старалась отгадать, что больше всего хотел бы получить каждый из них. До чего же веселая была эта игра!

Кстати, тетка была совсем не глупа. Мне она подарила губную гармошку.

Тебе, верно, никогда не догадаться, что гармошка вырезана из розового дерева и золота? Сечешь, она рассчитала все так умно, что каждый из нас получил именно то, что хотел и о чем всегда мечтал.

У тетки моей мамы был несомненный талант делать сюрпризы. Она отправляла вещи посылками, и те, кто распаковывал их, не имел ни малейшего представления о том, кто их прислал. Ведь они никогда не бывали у нее дома: она всю жизнь боялась, как бы у нее что-нибудь не сломали или не разбили.

Она развлекалась, представляя себе, как они удивятся и станут гадать, кто бы это им послал... И у нее поднималось настроение. Она чувствовала себя волшебницей, феей, исполняющей чужие желания и тут же исчезающей.

— Но я не посылал Седрика в посылке! — воскликнул Снифф, вытаращив глаза от удивления. — Да и умирать я тоже не собираюсь!

Снусмумрик тяжело вздохнул.

— Ты не исправим, — сказал он. — Постарайся хотя бы дослушать интересную историю до конца, даже если в ней нет ни слова о тебе. И подумай немного и обо мне. Я приберегу эту историю для тебя, а мне иногда приятно рассказывать, ясно? Ну вот. А тем временем произошло следующее. Однажды ночью к тетке вдруг вернулся сон, а днем она принялась мечтать об Амазонке, читать книги о подводном плавании и строить в голове проект приюта для детей, которых никто не хотел взять в приемьши. Тетка стала гораздо веселее да и привлекательнее, чем всегда. Людям стало интересно с ней общаться, и в доме появились друзья.

«Не вешать нос! — подбадривала она себя. — У меня есть друзья, а я могу не успеть закатить для них пир, о котором мечтала с юных лет...»

А в комнатах дышалось все легче и легче. Посылки уходили одна за другой, и чем меньше вещей оставалось, тем лучше становилось тетке. В конце концов она уже разгуливала по опустевшим комнатам и чувствовала себя такой же невесомой, как веселый воздушный шарик, который вот-вот взлетит...

— На небо, — мрачно заметил Снифф. — Послушай-ка...

— Не перебивай меня без конца, — огрызнулся Снусмумрик. — Ты, видно, еще не дорос, чтобы понять эту историю. Но я все-таки продолжу рассказ. Согласен? Мало-помалу все комнаты опустели, и у тетки осталась одна лишь кровать, огромная кровать с балдахином.

Когда новые друзья пришли навестить ее, она всех усадила на эту кровать, а тех, что поменьше, — на балдахин. Им было уютно, всем вместе. Единственное, что по-прежнему угнетало тетку, — это ужасная мысль о том, что она, вероятно, не успеет закатить пир на весь мир...

Вечерами гости ее обычно рассказывали друг другу страшные или забавные истории. И вот как-то вечером...

— Нет уж! Не хочу слушать! — сердито воскликнул Снифф. — Ты точь-в-точь как Муми-троль. Я догадываюсь, чем все это кончилось. Она отдала им свою последнюю кровать и, страшно довольная, вознеслась на небо... По-твоему, и мне надо отдать не только Седрика, но и все, что у меня есть, а вдобавок еще и умереть?

— Ты осел! — сказал Снусмумрик. — И что еще хуже — перевираешь мои слова. А я хотел рассказать вот о чем. Однажды тетка моей мамы так безумно смеялась над одной из забавных историй, что косточка у нее выскочила, и она совершенно выздоровела.

— Не может быть! — закричал Снифф. — Бедная тетка твоей мамы!

— Почему же бедная? — спросил Снусмумрик.

— Ну как же, она ведь все раздала, — заволновался Снифф. — К тому же совершенно зря. Она ведь даже не умерла! И что, она забрала потом свои вещи обратно?

Зажав трубку зубами, Снусмумрик высоко поднял брови.

— Ты маленькая зверюшка-несмышленьш, — сказал он. — Все свои напасти она превратила в смешную историю. А потом уже закатила для друзей пир на весь мир... И приют одиноких детей тоже построила. Конечно, она была слишком стара для глубоководного плавания в море, но действующий вулкан, к счастью, все-таки увидела. После чего отправилась в путешествие на Амазонку. Это было последнее, что мы слышали о ней.

— Но на это требуется уйма денег, — усомнился практичный Снифф и резонно добавил: — Она же раздала все свои вещи...

— Неужели? Ты уверен в этом? — ехидно спросил Снусмумрик. — Будь ты повнимательней, ты бы услышал, что у нее осталась кровать с балдахином, а она, мой милый Снифф, была из чистого золота, к тому же щедро разукрашена алмазами и сердоликами.

(Что касается Седрика, то Гафса заказала для дочери серьги из топазов, а

песику пришили вместо глаз две черные пуговицы. Как-то Снифф снова нашел Седрика. Тот валялся, забытый, под дождем. Снифф подобрал его и принес к себе в комнату. Лунный камень, к сожалению, смыло во время дождя, и его так никогда и не нашли. Снифф, несмотря ни на что, продолжал любить Седрика, теперь уже только бескорыстной, глубокой любовью. И это в некотором роде делает ему честь.)

(Прим. автора.)

ЕЛЪ

Один хемуль, стоя на крыше, расчищал снег. На нем были желтые шерстяные варежки, которые мало-помалу промокли и стали мешать. Тогда он положил их на дымовую трубу, вздохнул и снова стал расчищать снег, закрывавший крышку люка. Наконец он разгреб его.

— А вот и крышка люка, — произнес Хемуль. — А там внизу они спят себе и спят. Спят, спят и спят. Меж тем как другие вкалывают до потери сознания только потому, что наступает Рождество.

Он взобрался на крышку люка и, поскольку не мог вспомнить, как она открывается — наружу или внутрь, начал осторожно топтать ее ногами. Крышка тотчас же провалилась, и Хемуль рухнул во мрак

и во все то, что семейство муми-троллей сложило на чердаке, чтобы потом использовать.

Хемуль страшно рассердился, а кроме того, он был не очень уверен в том, где оставил свои желтые варежки. Он особенно дорожил именно этими варежками.

Потом он затопал дальше, спустился вниз по лестнице, распахнул дверь и заорал злым голосом:

— Наступает Рождество! Мне надоели и вы, и ваша зимняя спячка, а тут еще в любую минуту может начаться Рождество!

Внизу семья муми-троллей, как обычно, спала зимним сном. Они пребывали в зимней спячке уже много месяцев и намеревались продолжать ее до самой весны. Сон спокойно и приятно убаюкивал их, словно сплошной, долгий, теплый, летний полдень. И вдруг в сны Муми-тролля ворвались беспокойство и холодный воздух. А тут еще кто-то стащил с него одеяло и закричал, что ему надоело и что наступает Рождество.

— Уже весна? — пробормотал Муми-тролль.

— Весна? — нервно переспросил Хемуль. — Рождество, понимаешь ты, Рождество. А я еще ничего не достал, ничего не устроил, а меня посылают откопать вас посреди всей этой заварушки. Варезки, вероятно, пропали. И все бегают кругом как сумасшедшие, и ничего не ясно...

С этими словами Хемуль снова потопал на крышу — но уже вверх по лестнице — и выбрался наружу через люк.

— Мама, проснись, — испуганно сказал Муми-тролль. — Стряслось что-то ужасное. Они называют это Рождеством.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Муми-мама, высовывая мордочку из-под одеяла.

— Точно не знаю, — ответил ее сын. — Но ничего не устроено, и что-то потерялось, и все бегает кругом как сумасшедшие. Может, снова наводнение?

Он осторожно потряс фрёкен Снорк и прошептал:

— Не пугайся, но стряслось что-то ужасное.

— Спокойствие, — сказал Муми-папа. — Спокойствие прежде всего!

Он встал и завел часы, которые остановились еще где-то в октябре.

Они поднялись по мокрым следам Хемуля на чердак и вылезли на крышу дома муми-троллей.

Небо было голубое, как всегда, так что на этот раз не могло быть и речи о горé, извергающей пламя. Но вся долина была покрыта мокрым хлопком — горы, и деревья, и река, и весь дом. Было холодно, еще холоднее, чем в апреле.

— И это называется «Рождество»? — удивленно спросил папа.

Он набрал полную лапу хлопка и стал его разглядывать.

— Интересно, это выросло из земли? — спросил он. — Или упало с неба? Должно быть, страшно неприятно, если это случилось за один раз.

— Но, папа, это же снег, — объяснил Муми-тролль. — Я знаю, что это снег, и он падает на землю вовсе не сразу.

— Ах так, — произнес папа. — Но все равно это было бы неприятно.

Мимо на финских санях проехала тетка Хемуля с елкой.

— Вон как, наконец-то вы проснулись, — сказала тетка, не проявляя к ним ни малейшего интереса. — Постарайтесь раздобыть елку, пока не стемнеет.

— Но зачем? — начал было папа.

— Некогда мне тут с вами разговаривать! Еще опоздаю! — крикнула тетка через плечо и покатила дальше.

— Пока не стемнеет, — прошептала фрёкен Снорк. — Она сказала: «Пока не стемнеет». Самое опасное случается вечером...

— Значит, чтобы справиться, нужна елка, — размышлял вслух папа. — Ничего не понимаю.

— И я тоже, — покорно сказала мама. — Но когда пойдете за этой самой елкой, наденьте шарфы и шапки. А я попробую пока хоть немного растопить печь.

Несмотря на грозящую катастрофу, папа решил не трогать ни одну из своих собственных елей — он их берег. Вместо этого они перелезли через забор Гафсы и выбрали большую ель, которая в дальнейшем фактически ни на что уже не годилась.

— Ты считаешь, мы должны спрятаться на этой елке? — поинтересовался Муми-тролль.

— Не знаю, — ответил папа, продолжая рубить ель. — Я ничего во всем этом не понимаю.

Они дошли уже почти до реки, когда навстречу им кинулась Гафса с полной охапкой мешочков и пакетов.

Лицо ее было красное, страшно взволнованное, и она даже не узнала, к счастью, свою ель.

— Шум и давка! — закричала Гафса. — Невоспитанным ежам нельзя разрешать... И как я совсем недавно говорила Мисе*, это просто позор...

* См.: Туве Янссон. Опасное лето.

— Елка, — сказал папа и отчаянно, изо всех сил вцепился в воротник ее шубы. — *Что делать с елкой?*

— «Елка», — рассеянно повторила Гафса. — Елка? О, как ужасно! Нет, это просто невыносимо... ее ведь надо наряжать... я не успею...

И она уронила свои пакеты и мешочки в снег. Шапочка съехала ей на нос, и Гафса чуть не заплакала на нервной почве.

Папа покачал головой и поднял елку.

Дома мама вымела веранду, достала спасательные пояса и аспирин, папино ружье и теплые компрессы. Ведь никогда заранее не знаешь...

Какой-то крошечный малыш сидел на самом краю дивана и пил чай. До этого он сидел в снегу под верандой, и вид у него был такой жалкий, что мама пригласила его в дом.

— Вот и елка, — сказал папа Мумитролля. — Если бы только еще знать, для чего она нужна? Гафса уверяет, что ее надо нарядить.

— Таких больших платьев у нас нет, — огорченно сказала мама. — Интересно, что она имела в виду?

— Какая красивая елка! — закричал крошечный Малыш и, проглотив от страшной застенчивости чай, стал раскаиваться, что осмелился наконец что-то произнести.

— Ты знаешь, как наряжают елку? — спросила фрёкен Снорк.

Малыш жутко покраснел и прошептал:

— Как можно красивей. На нее надевают разные красивые вещи. Так я слышал.

Но тут, совершенно подавленный своей смелостью, он смущенно закрыл лапками

мордочку, опрокинул чайную чашку и скрылся за дверью веранды.

— Теперь помолчите немного, а я подумаю, — сказал Муми-папа. — Если елке нужно нарядить как можно красивей, значит, и речи быть не может о том, чтобы на ней спрятаться от грозящей опасности. Значит, надо *умилостивить* опасность. Теперь я начинаю понимать, в чем тут дело.

Они тотчас вынесли ель во двор и надежно посадили в снег. И стали ее украшать снизу доверху как можно красивее всем, что только приходило им в голову.

Они украсили ее раковинами с летних клумб и жемчужным ожерельем фрёкен Снорк. Они сняли хрусталики с люстры в гостиной и развесили их на ветках, а на верхушку ели поместили красную шелковую розу, которую Муми-мама получила в подарок от папы. Все несли на елку самое красивое, что у них только было, желая умилостивить непонятные им силы зимы.

Когда ель была украшена, мимо снега промчалась тетка Хемуля на своих финских санях. Теперь она ехала уже

в другую сторону и торопилась еще больше, если только это возможно.

— Взгляните на нашу елку! — воскликнул Муми-тролль.

— Еще чего! — сказала тетка Хемуля. — Но вы ведь всегда были с приветом! А мне некогда. Надо приготовить праздничное угощение для Рождества.

— «Угощение для Рождества»? — удивленно повторил Муми-тролль. — Значит, оно к тому же еще и есть?

Но тетка Хемуля не стала слушать.

— А по-вашему, можно обойтись без рождественского угощения? — торопливо обронила она и помчалась вниз по склону.

После обеда мама упорно трудилась на кухне. И перед самыми сумерками рождественское угощение было готово и стояло в маленьких мисочках вокруг елки. Там были и сок, и простокваша, и пирог с черникой, и яичный ликер — все то, что любила семья муми-троллей.

— Ты думаешь, Рождество очень хорошее? — обеспокоенно поинтересовалась мама.

— Едва ли больше, чем я, — с тоской ответил папа.

Он сидел в снегу, завернувшись до самых ушей в одеяло, и мерз. Но ведь малявки всегда должны быть очень, очень предупредительны к великим силам природы.

Внизу, в долине, во всех окнах начали зажигаться огни. Огоньки светились и под деревьями, и из каждого жилища наверху среди ветвей, а полыхающие огни металась взад-вперед по снегу. Муми-троль посмотрел на папу.

— Да, — подтвердил папа и кивнул головой. — На всякий случай!

Тогда Муми-троль вошел в дом и собрал все свечи, какие только смог найти. Он воткнул их в снег вокруг ели и осторожно зажигал одну за другой, пока они

все не загорелись, чтобы умиловить мрак и Рождество.

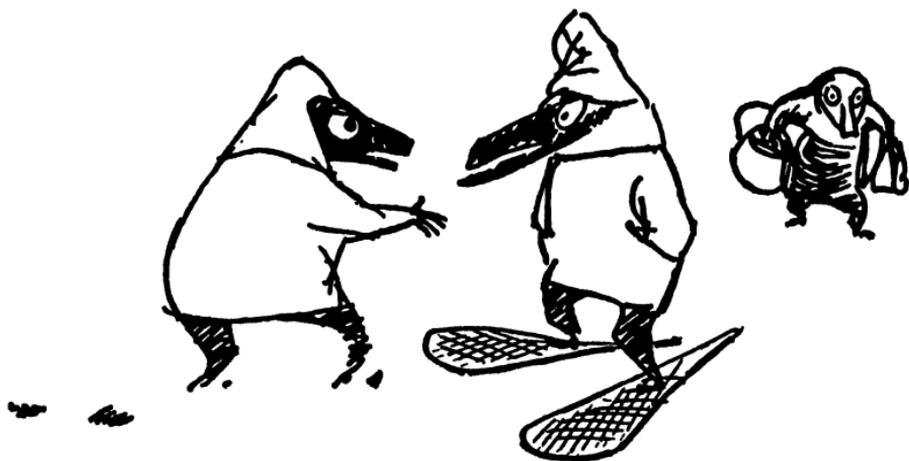
Мало-помалу в долине стало совсем тихо: все, наверное, отправились к себе домой и сидели там в ожидании опасности, которая вот-вот грянет. Только одна-единственная тень еще бродила между деревьями — то был Хемуль.

— Привет! — тихо воскликнул Му-ми-троль. — Оно скоро явится?

— Не мешай мне, — злобно ответил Хемуль, уткнувшись мордой в длинный список, где уже почти все было перечеркнуто.

Усевшись рядом с одной из свечей, он начал считать.

— Мама, папа, Гафса, — бормотал он. — Все кузины... старший Ёж... маленьким ничего не надо. И я тоже ничего

не получил от Сниффа в прошлом году. Миса и Хомса, моя тетка... с ума можно сойти!

— В чем дело? — робко спросила фрёкен Снорк. — С ними что-нибудь случилось?

— Подарки! — разразился Хемуль. — С каждым новым Рождеством надо все больше и больше подарков.

Дрожащей лапой он перечеркнул строчку в своем списке и побрел дальше.

— Подожди! — крикнул Мумитроль. — Объясни. А варежки?..

Но Хемуль исчез во мраке, — он исчез, как и все остальные, кто спешил и был немного не в себе оттого, что наступает Рождество.

Тогда семья муми-троллей тихонько отправилась в дом — поискать подарки. Папа выбрал свою лучшую блесну для ловли щук, лежавшую в очень красивом футляре. На нем он написал: «На Рождество» — и положил футляр в снег. Фрёкен Снорк стянула с ноги браслет и немножко вздохнула, заворачивая его в шелковую бумагу.

А мама открыла свой самый тайный ящик и вытащила оттуда книгу с разноцветными картинками, единственную

раскрашенную книгу во всей Долине муми-троллей.

То, что завернул в бумагу Муми-тролль, было таким нежным и таким личным, что никто-никто не должен был это видеть. Даже после, уже весной, он никогда не рассказывал никому о том, что подарил.

Потом они все вместе уселись в снег в ожидании катастрофы.

Время шло, но ничего не случилось.

Только крошечный Малыш, который пил чай, высунулся из-за дровяного сарая. Он привел с собой всех своих родственников и их друзей. И все они были одинаково маленькие, и серенькие, и жалкие, и замерзшие.

— Веселого Рождества, — застенчиво прошептал Малыш.

— Ты и вправду первый, кто считает, что Рождество — веселое, — сказал папа Муми-тролля. — Ты что, совсем не боишься того, что может случиться, когда оно явится?

— А оно уже здесь, — пробормотал Малыш и уселся в снег вместе со своими родственниками. — Можно посмотреть? — спросил он. — У вас такая удивительно красивая елка!

— И угощение тоже, — мечтательно сказал один из родственников.

— И настоящие подарки, — добавил другой.

— Всю свою жизнь я мечтал о том, чтобы увидеть такое как можно ближе, — закончил свою речь Малыш и вздохнул.

Стало совсем тихо. Свечи горели, и пламя их было совершенно неподвижно в этой спокойной ночи. Малыш и его родственники сидели очень тихо. Видно было, как они всем восхищаются и хотят всего. Это чувствовалось все сильнее и сильнее, так что в конце концов мама Муми-тролля, приблизившись к папе, прошептала:

— А ты не думаешь...

— Да, но если... — возразил папа.

— Во всяком случае, — сказал Мумитроль, — если Рождество разозлится, мы, быть может, спасемся на веранде. — И, повернувшись к Малышу, добавил: — Пожалуйста, это все ваше.

Малыш не поверил своим ушам. Он осторожно подошел к ели, а за ним потянулась целая вереница родственников и друзей, усы которых благоговейно дрожали.

Они никогда прежде не справляли свое собственное Рождество.

— А теперь вернее всего убраться отсюда, — обеспокоенно произнес папа.

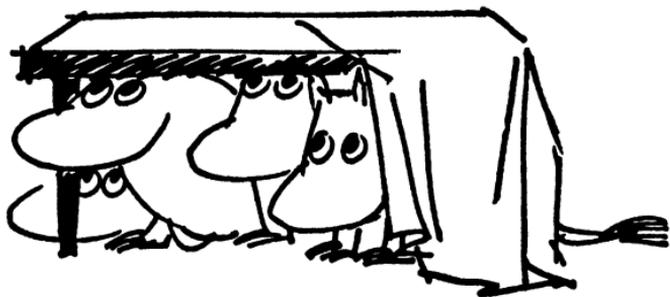
Все семейство быстрыми, едва слышными шагами прокралось на веранду и спряталось под столом.

Но ничего не случилось.

Мало-помалу они боязливо выглянули в окно.

Крохотные малыши сидели в саду — ели, пили, разворачивали подарки и веселились так, как никогда в жизни. Под конец они взобрались на ель и расставили на всех ветвях горящие свечи.

— Но на верхушке должна быть, наверное, большая звезда, — сказал дядя Мальша.

— Ты думаешь? — спросил Мальш, глянув в раздумье на красную шелковую розу мамы Муми-тролля. — Не все ли равно что, главное — идея.

— Надо бы нам раздобыть и звезду, — прошептала мама. — Но ведь это совершенно невозможно.

Они посмотрели вверх на небо, такое далекое и черное, неправдоподобно усеянное звездами, — их было в тысячу раз больше, чем летом. А самая большая из них висела прямо над самой верхушкой их ели.

— Мне немножко хочется спать, — призналась мама. — И я не в силах больше гадать, что все это значит. Но похоже, все идет хорошо.

— Во всяком случае, Рождества я больше не боюсь, — заявил Муми-тролль. — Хемуль с Гафсой и со своей теткой, должно быть, чего-то недопоняли.

И, положив желтые варежки Хемуля на перила веранды, где он сразу смог бы их увидеть, они вошли в дом, чтобы снова лечь спать в ожидании весны.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Перевод Л. Брауде

5

СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ

Перевод Е. Соловьевой

27

ФИЛИФЬОНКА, КОТОРАЯ ВЕРИЛА В КАТАСТРОФЫ

Перевод Л. Брауде

49

ПОВЕСТЬ О ПОСЛЕДНЕМ В МИРЕ ДРАКОНЕ

Перевод Л. Брауде

83

ХЕМУЛЬ, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ТИШИНУ

Перевод Е. Соловьевой

107

ДИТЯ-НЕВИДИМКА

Перевод Л. Брауде

139

ТАЙНА ХАТИФНАТТОВ

Перевод Л. Брауде

165

СЕДРИК

Перевод Л. Брауде

201

ЕЛЬ

Перевод Л. Брауде

219

Литературно-художественное издание

Тове Янссон

ДИТЯ-НЕВИДИМКА

Ответственная за выпуск *Наталья Соколовская*
Редактор *Людмила Лебедева*
Художественный редактор *Вадим Пожидаев*
Технический редактор *Татьяна Тихомирова*
Корректоры *Татьяна Виноградова, Ирина Киселева*
Верстка *Алексея Положенцева*

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать 02.12.98.

Формат издания $84 \times 108 \frac{1}{32}$. Гарнитура Академическая.
Тираж 8000 экз. Усл. печ. л. 12,6. Изд. № 665. Заказ № 192.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с диапозитивов в ГПП «Печатный Двор»
Государственного комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

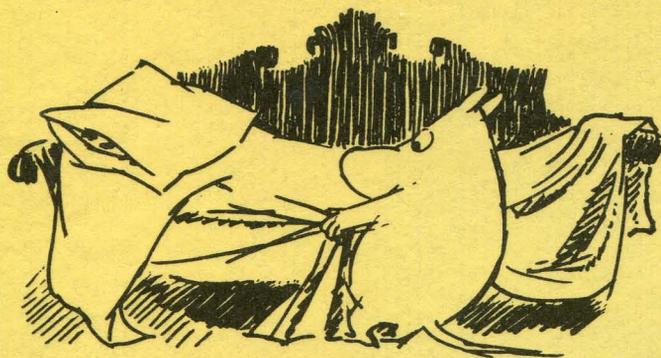
**Сканирование и обработка:
Алексей Н. (Lion)**

ВСЁ О МУМИ-ТРОЛЛЯХ

ТУВЕ
ЯНССОН

ДИТЯ-
НЕВИДИМКА

Маленькие тролли
и большое наводнение

Комета прилетает

Шляпа Волшебника

Мамзари паны Муми-тролля

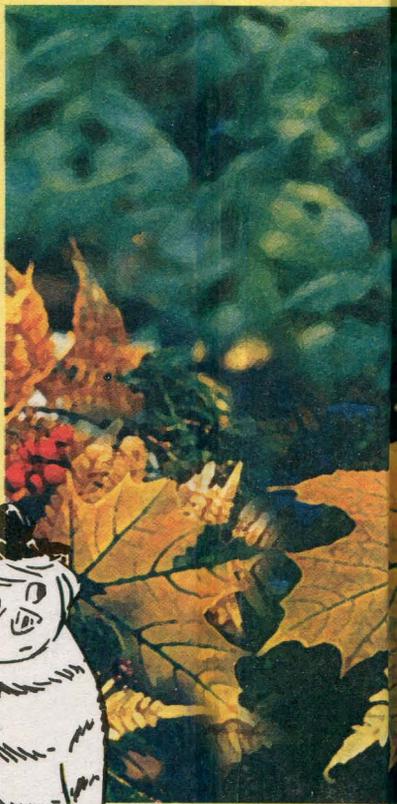
Опасное лето

Волшебная зима

Дитя-невидимка

Папа и море

В конце ноября

ISBN 5-7684-0665-4

9 785768 406653

